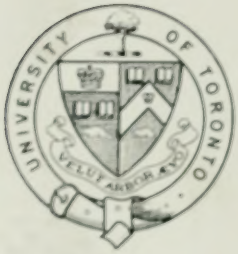
31761 07365271 1

Н. ЛЕНИН.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

ЦЕНА 1 ДОЛ.



Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA

Lenin, Vladimir Il'ich

Н. ЛЕНИН.

Proletarskaia revoliutsiia...

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И
РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

Издание
Центрисполкома Р. Ф. К. П. А.
1920 г.

HX
314
L356
1920

LIBRARY
758934
UNIVERSITY OF TORONTO

Оглавление

1, Предисловие.

2. Как Каутский превратил Маркса в дюжинного либерала.

3, Буржуазная и пролетарская демократия.

4, Может-ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

5, Советы не смеют превращаться в государственные организации.

6, Учредительное Собрание и Советская Республика.

7, Советская конституция.

8, Что такое интернационализм? ..

9, Прислужничество буржуазии под видом экономического анализа.

Приложение: Тезисы об Учредит. Собрании.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/proletarskaiarev00leni

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вышедшая недавно в Вене брошюра Каутского «Диктатура пролетариата» (Вена, 1918, Игнац Бранд, стр. 63) представляет из себя нагляднейший пример того полнейшего и позорнейшего банкротства 2-го Интернационала, о котором давно говорят все честные социалисты всех стран. Вопрос о пролетарской революции становится теперь практически в порядок дня в целом ряде государств. Поэтому разбор ренегатских софизмов и полного отречения от марксизма у Каутского является необходимым.

Но сначала надо подчеркнуть, что пишущему эти строки с самого начала войны приходилось многократно указывать на разрыв Каутского с марксизмом. Ряд статей 1914—16 г.г. в заграничном «Социал-Демократе» и «Коммунисте» был посвящен этому. Статьи эти собраны в издании Петроградского Совета—Г. Зиновьев и Ленин: «Против течения», Петроград, 1918 г. (стр. 550). В брошюре, изданной в Женеве в 1915 г. и переведенной тогда же на немецкий и французский языки, я писал о «каутскианстве»:

«Каутский, наибольший авторитет 2-го Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брента-

низм» (т.-е. в либерально-буржуазное учение, признающее нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата, что особенно ярко выразили русский писатель Струве и немецкий экономист Брентано). Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают **все, кроме** революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безидейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и. т. д. Каутский, в 1909 году писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 году подписавший Базельский Манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно революционной борьбе.

«Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной цели, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, безхарактерностью, прислужничеством, оппортунизмом и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий 2-го Интер-

национала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» (Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Социализм и война», Женева, 1915 г., стр 13—14).

Далее, в написанной в 1916 году книге «Империализм, как новейший этап капитализма» (вышла в Петрограде в 1917 году) я подробно разбирал теоретическую фальш всех рассуждений Каутского об империализме. Я приводил определение империализма Каутским: «Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинить все большие **аграрные** (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены». Я показывал полнейшую неверность этого определения и «приспособляемость» его к затушевыванию самых глубоких противоречий империализма, а затем к примирению с оппортунизмом. Я приводил свое определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Я показывал, что критика империализма у Каутского стоит даже ниже буржуазной, мещанской критики его.

Наконец, в августе и сентябре 1917 года, т.е. до пролетарской революции в России (25 ок-

тября—7 ноября 1917 года), я написал вышедшую в Петрограде в начале 1918 года брошюру «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». И здесь, в главе VI-й об «опошлении марксизма оппортунистами», посвятил особое внимание Каутскому, доказывая, что он совершенно извратил учение Маркса, подделывал его под оппортунизм, «отрекался от революции на деле при признании ее на словах».

В сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция».

Эти предварительные замечания были необходимы, ибо они доказывают, что Каутский был открыто обвинен мной в ренегатстве задолго до того, как большевики взяли государственную власть и были за это осуждены Каутским.

Как Каутский превратил Маркса в дюжинного либерала.

Основной вопрос, затрагиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это—самый главный вопрос

всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т.-е. большевиков и не-большевиков) есть противоположность двух в корне различных методов: демократического и диктаторского» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т.-е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их названием, т.-е. словом, а не тем действительным местом, которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» —«демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это—такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно, как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к 20-му веку, лицом к 18-му, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде пара-

графов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью.

Поистине, точно во сне мочалку жует.

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему! Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (стр. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать и запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному о демократии вообще, а не о буржуазной демократии, он избегает даже этого точного, классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции. Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия. Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский об'являет презрением к демократии),—так буквально значится на стр. 20. А на стр. 60-й это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили во-время словечко» (буквально так «дес

вертхенс») о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме.

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком»—значит издеваться над марксизмом, значит отрекаться от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом. Каутский **не может не знать**, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата **многократно**, и до и после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революции 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, в **течение сорока лет.**

Как об'яснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектицизмом и софистикой. Каутский—великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т.-е. в конце концов перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский). «Буквально» слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного определенного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как переходящая мера крайности.

«Выражение «диктатура пролетариата» следовательно, не диктатура одного лица, а одного

класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

«Он говорил здесь не **о форме правления**, а **о состоянии**, которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу—священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать **свое определение** «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально,—пишет он,—слово диктатура означает уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию диктатуры, к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых это явно неверно. Либералу есте

ственно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса». Всякий знает, например,—и «историк» Каутский знает это тоже,—что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как **диктатуры рабовладельцев**. Уничтожила ли эта диктатура демократию **среди рабовладельцев, для них?** Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо **«забыл»** о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но, как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

... «Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами».

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону,

Каутский нечаянно наткнулся здесь на **одну** верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры **все же не дал** и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически неверно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспотизма, но, хотя это указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от 20-го века поворачиваться к 18-му, а от 18-го к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость, либо весьма неискусное мошенничество. В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал. Он мог бы, не полагаясь на свои умственные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящиков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся не-

посредственно на насилии, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину ясную, как божий день, для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у ученейшего господина Каутского. Чем об'яснить это? Тем духом лакейства, которым пропитались вожди 2-го Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии. Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова диктатура означает единоличного диктатора, а потом он, на основании этой подтасовки, заявляет, что у Маркса, значит, слова о диктатуре класса **имеют** не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной»,—это заметьте,—демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительное глубокомысленное различие, совсем в роде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у

человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому **нужно** истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же 21-й странице), ибо тогда **исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция.** Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... «демократии»... Таким мошенническим фокусом **революция** благополучно **исчезает.**

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов **революционного насилия** одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу. О форме правления говорить здесь втройне глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика— разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что обе формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности **буржуазного государства,** т.-е. **диктатуры буржуазии!** Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе **государства,** а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна **без** насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее **новою,** кото-

рая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством».

Каутскому все это надо замазать и изолгать—этого требует его ренегатская позиция. Посмотрите, к каким жалким увертками он прибегает. Увертка первая: «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т.-е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии не типичные для буржуазного государства, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики, вполне типичные, например, с военщиной и бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его фальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы: нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что делало из Англии и Америки исключение в рассматриваемом отношении? Всякому сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его—значит фальсифицировать науку, значит играть

в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть **насилие** против буржуазии; необходимость же этого насилия в **особенности** вызывается, как подробнейшим образом и многократно об'ясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существует **военщина и бюрократия.** Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах 19-го века, когда Маркс делал свое замечание, **не было.** (А теперь они в Англии и в Америке **есть.**)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство. И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши, он написал: «мирно, **т.-е. демократическим путем»!!**

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное **насилие.** А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности **мирного и насильственного переворота.**

Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы **отговориться** от **насильственной** революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону **либеральной** рабочей политики, т.-е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что забывает основное: до-

монополистический капитализм—а апогеем его были именно 70-ые годы 19-го века—отличался в силу **экономических** его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшим сравнительно миролюбием и свободолюбием. А империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в 20-м веке, по **экономическим** его коренным свойствам отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была **всеобщим** голосованием, без лишения буржуазии ее избирательных прав, «демократичности». И Каутский торжествует: ...«Диктатура пролетариата была, для Маркса» (или по Марксу), «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство». Этот довод Каутского настолько забавен, что поистине испытываешь настоящее «амбара де ришес» (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «все-

общим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство **Франции** против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (антиавторитаристы)? Революция есть несомненно самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна

не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась больше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом».

Вот вам и «чистая демократия!» Как бы осмеял Энгельс того пошлого мещанина «социал-демократа» (во французском смысле 40-х годов и в общеевропейском 1914—1918 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка разбить, сломать «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что **только** эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» частями программе «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожила армию и чиновничество, уничтожила **парламентаризм**, разрушила «паразитический нарост—государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что тысячу раз говорили либеральные профессора,—сказки про «чистую демократию».

Не даром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть **смердящий труп**.

Увертка третья: «Если мы говорим о дик-

татуре, как форме правления, то мы не можем говорить о диктатуре класса. Ибо класс, как мы уже заметили, может только господствовать, но не управлять»... Управляют же «организации» или «партии».

Путаете, безбожно путаете, господин «путаницы советник»! Диктатура не есть «форма правления», это смешной вздор. И Маркс говорит не о форме правления, а о форме или типе **государства.** Это совсем не то, совсем не то. Совершенно неверно также, что не может управлять класс, такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правящих партий.» Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим **классом**, напр., помещиками в средние века, несмотря на их недостаточную организованность. Итак, Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т. е. докатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», прикрашивая и затушевывая классовое содержание буржуазной демократии, чураясь всего более **революционного насилия** со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Берн-

питейи оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским.

Буржуазная и пролетарская демократия.

Вопрос, безбожно запутанный Каутским, представляется на деле в таком виде.

Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные **классы**, а можно говорить только о **классовой** демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только **невежественная** фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, **отмирать**, но никогда не будет «чистой демократией»).

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

Если Каутский чуть не десятки страниц посвящает «доказательству» той истины, что буржуазная демократия прогрессивна по сравнению с средневековьем и что ее обязательно должен использовать пролетариат в своей борьбе против буржуазии, то это именно либеральная болтовня, одурачивающая рабочих. Не только в образованной Германии, но и в необразованной России это—трюизм. Каутский просто пу-

скает «ученый» песок в глаза рабочим, рассказывает с важным видом и о Вейтлинге и об иезуитах в Парагвае, и о многом прочем, чтобы **обойти буржуазную** сущность современной, т.-е. **капиталистической демократии.**

Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма, вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что **неприемлемо** для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно, в силу его об'ективного положения и какова бы ни была его суб'ективная убежденность, лакеем буржуазии.

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается—и при капитализме не может не оставаться—узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных. Вот этой истины, составляющей существенную составную часть маркситкого учения, «марксист» Каутский не понял. Вот в этом—коренном вопросе Каутский преподносит «приятности» для буржуазии, вместо научной критики тех условий, которые делают всякую буржуазную демократию демократией для богатых.

Напомним сначала ученейшему господину Каутскому те теоретические заявления Маркса и Энгельса, которые наш начетчик позорно «за-

был» (в угоду буржуазии), а потом поясним дело наиболее популярно. Не только древнее и феодальное, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» (Энгельс в его сочинении о государстве). «Так как государство есть лишь переходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще **нуждается** в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать». (Энгельс в письме к Бебелю от 28 марта 1875 г.) «Государство есть ни что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии». (Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» Маркса). «Всеобщее избирательное право есть показатель зрелости рабочего класса. **Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».** (Энгельс в его сочинении о государстве. Господин Каутский разжевывает необычайно скучно первую часть этого положения, приемлемую для буржуазии. Вторую же, которую мы подчеркнули и которая для буржуазии неприемлема, ренегат Каутский замалчивает.)

«Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и

то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять («фер унд цертретен») народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому работодателю» (Маркс в соч. о Парижской Коммуне «Гражданская война во Франции»).

Каждое из этих положений, прекрасно известных ученейшему господину Каутскому, бьет ему в лицо, изобличает все его ренегатство. Во всей брошюре Каутского нет ни капли понимания этих истин. Все содержание его брошюры есть издевательство над марксизмом. Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом»,—и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократичного государства, где бы не было залеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка»,—на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Ка-

утский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих.

О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот политический деятель, что молчание об этом есть подлость. Он предпочитает рассказывать рабочим детские сказки в роде того, что демократия означает «охрану меньшинства». Невероятно, но факт! В лето 1918-ое от Рождества Христова, на пятом году всемирной империалистической бойни и удушения интернационалистских (т.-е. не предавших подло социализма, как Ренодели и Лонгэ, как Шейдеманы и Каутские, как Хендерсоны и Уэббы и т. п.) меньшинств во всех «демократиях мира», господин ученый Каутский сладеньким, сладеньким голосом воспевает «охрану меньшинства». Кто пожелает, может прочесть это на стр. 15-й брошюры Каутского. А на стр. 16-й сей ученый индивид расскажет вам о вигах и тори в 18-м веке в Англии.

О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Крупом или Шейдеманом, или Клемансо или Ренодслем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы, награждать его поцелуями Иуды, расхваливать его перед рабочими, рекомендовать «единство социализма» со столь почтенными людьми, как Каутский. Писать брошюры против диктатуры про-

летариата, рассказывать о вигах и тори в 18-м веке в Англии, уверять, что демократия означает «охрану меньшинства», и умалчивать о **погромах** против интернационалистов в «демократической» республике Америке—разве это не лакейские услуги буржуазии?

Ученый господин Каутский «забыл»,—вероятно, случайно забыл—«мелочь», именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой **буржуазной партии**, пролетариату же при всяком **серьезном**, глубоком, **коренном** вопросе вместо охраны «меньшинства» достаются военные положения или погромы. **Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.** Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 г. в демократической республике Российской. Я нарочно беру примеры не только из времени войны, но также из довоенного, мирного времени. Слащавому господину Каутскому угодно закрыть глаза на факты 20-го века и зато рассказать рабочим удивительно новые, замечательно интересные, необыкновенные, поучительные, невероятно важные вещи про вигов и тори в 18-м веке.

Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слыхал о том, как биржа и банкиры **тем больше** подчиняют себе буржуазные парламенты, **чем сильнее** развита демократия? Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм (и большевики так успешно использовали его, как едва ли другая партия в мире, ибо в 1912—14 годах мы завоевали всю рабочую курию в 4-й думе). Но из этого следует, что только либерал может забывать **историческую ограниченность и условность** буржуазного парламентаризма, как забывает об этом Каутский. На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречают угнетенные массы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и осложнений, делающих пролетариев **наемными рабами**. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма. Именно это противоречие разоблачают постоянно агитаторы и пропагандисты социализма перед массами, **чтобы приготовить** их к революции. А когда началась эра революций, тогда Каутский повернулся лицом к ней и стал воспевать прелести умирающей буржуазной демократии.

Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. На-

писать целую книжку о демократии, как это сделал Каутский, говорящий на двух страницах о диктатуре и на десятках страниц о «чистой демократии»,—и не **заметить** этого, это значит по либеральному извратить дело совершенно. Возьмите внешнюю политику. Ни в одной самой демократической буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке и Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики. Каутский этого не заметил, он об этом молчит, хотя в эпоху грабительских войн и тайных договоров о «разделе сфер влияния» (т.-е. о разделе мира разбойниками капиталистами) это имеет кардинальное значение, ибо от этого зависит вопрос о мире, вопрос о жизни и смерти десятков миллионов людей.

Возьмите устройство государства. Каутский хватается за мелочи вплоть до того, что выборы «непрямые» (в Советской Конституции), но сути дела не видит. **Классовой** сущности государственного аппарата, государственной машины, он не замечает. В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок—тем более искусных и верно действующих, чем развита «чистая демократия»—**отталкивает** массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д. Советская власть **первая** в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) **привлекает** массы, именно **эксплуатируемые** массы, к управлению. Участие

в буржуазном парламенте (который **никогда не** решает серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) **загорожено** от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент **чужое** учреждение, орудие **угнетения** пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства.

Советы — непосредственная организация **самих** трудящихся и эксплуатируемых масс, **облегчающая** им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно. Именно авангард трудящихся и эксплуатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше об'единен крупными предприятиями: ему всего легче выбирать и следить за выборными.

Автоматически Советская организация **облегчает** об'единение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, **пролетариата**. Старый буржуазный аппарат — чиновничество, привилегии богатства, буржуазного образования, связей и проч. (эти фактические привилегии тем разнообразнее, чем развитее буржуазная демократия), — все это при советской организации отпадает. Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров; и таким образом сделала в миллион

раз более демократичным право собраний для масс, — то право собраний, без которого демократия есть обман. Непрямые выборы в нелокальные, неместные советы облегчают С'езды советов, делают **весь** аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий С'езд Советов.

Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии: советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, об'ективно, в лакея буржуазии.

Не заметить этого мог только человек, который не способен **поставить вопроса** с точки зрения **угнетенных** классов:

Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой **средний, массовый** рабочий , средний массовый **батрак** или деревенский полупролетарий вообще (т. е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения) пользовался хоть приблизительно такой **свободой** устраивать собрания в лучших зданиях, такой **свободой** иметь для выражения своих идей, для защиты

своих интересов крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой свободой выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устранивание» государства, как в Советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской Республике именно потому, что видят в ней **пролетарскую** демократию, **демократию для бедных**, а не демократию для богатых, такой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия.

Нами управляют (и наше государство «устроют») буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осязают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах, в том числе и самых демократических.

А в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали **гораздо более доступное** представительство именно рабочим и крестьянам, **их** советами заменили чиновников, или **их** советы поставили над чиновниками, **их** советы сделали избирателями судей. Одного этого факта доста-

точно, чтобы все угнетенные классы признали советскую власть, т. е. данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Каутский не понимает этой, для всякаго рабочего понятной и очевидной, истины, ибо он «забыл», «разучился» ставить вопрос: демократия **для какого класса?** Он рассуждает о «чистой» (т.е. бесклассовой? или внеклассовой?) демократии. Он аргументирует как Шейлок: «фунт мяса», больше ничего. Равенство всех граждан — иначе нет демократии.

Приходится ученому Каутскому, «марксисту» и «социалисту» Каутскому поставить вопрос:

Может-ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Это чудовищно, это невероятно, что приходится ставить такой вопрос при обсуждении книги идейнаго вождя II-го Интернационала. «Но взялся за гуж, не говори, что не дюж». Взялся писать о Каутском, — раз'ясняй ученому человеку, почему не может быть равенства эксплуататора с эксплуатируемым.

Может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Каутский рассуждает следующим образом:

«Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского).

Это бесспорная истина. Как следует рассуждать исходят из этой истины? Можно рассуж-

дать по-марксистски, социалистически: тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно-демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, т. е. об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и **подавлением эксплуататоров**, а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

Если рассуждать по-либеральному, то придется сказать: большинство решает, меньшинство повинуется. Неповинующихся наказывают. Вот и все. Ни о каком классовом характере государства вообще, «чистой демократии» в частности, рассуждать не к чему; к делу это не относится, ибо большинство есть большинство. Фунт мяса фунт мяса, и баста.

Каутский рассуждает именно так: 2) «По каким бы причинам надо было господству пролетариата принимать и необходимо принимать такую форму, которая несовместима с демокра-

тией?» (Стр. 21). Следует пояснение того, что пролетариат имеет на своей стороне большинство, пояснение весьма обстоятельное и весьма многословное и с цитатой из Маркса и с цифрами голосов в Парижской Коммуне. Выход: «Режим, который так сильно коренится в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию. Он не всегда сможет обойтись без насилия, в тех случаях, когда насилие пускается в ход, чтобы подавить демократию. На насилие можно отвечать только насилием. Но режим, который знает, что за ним массы, будет применять насилие лишь для того, чтобы **охранять** демократию, а не для того, чтобы **уничтожать** ее. Он совершил бы прямо-таки самоубийство, если бы захотел устранить свою самую надежную основу, всеобщее избирательное право, глубокий источник могучего морального авторитета» (Стр. 22).

Вы видите: Отношение эксплуатируемых к эксплуататорам из аргументации Каутского исчезло. Осталось только большинство вообще, меньшинство вообще, демократия вообще, уже знакомая нам «чистая демократия».

Заметьте, что это говорится **в связи с Парижской Коммуной!**

Приведем же для наглядности, как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре **в связи с коммуной.**

Маркс:..... «Если рабочие наместо диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, чтобы сломать сопротивление буржуазии.. рабочие придают государству революционную и переходящую форму»...

Энгельс: «Победившая» (в революции) «партия по необходимости бывает вынуждена удержать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?».

Он же: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»...

Между Каутским и Марксом с Энгельсом расстояние, как небо от земли, как между либералом и пролетарским революционером. Чистая демократия и просто «демократия», о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого «свободного народного государства», т.е. чистая **бессмыслица**. Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью 10-ти летней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс раз'ясняют:

— Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии

— Затем, чтобы внушать реакционерам страх

— Затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии.

— Затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников.

Каутский этих раз'яснений не понимает. Влюбленный в «чистоту» демократии, не видящий ее буржуазность, он «последовательно» стоит на том, что большинству, раз оно большинство не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насильственно подавлять» его, — достаточно подавлять **случаи** нарушения демократии. Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский **нечаянно** совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы: именно, он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимают за фактическое! Мелочь!

Эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому.

Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет существеннейшее содержание социализма.

Другая истина: действительного, фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплуатации одного класса другим.

Эксплуататоров можно разбить сразу, при

удачном восстании в центре или возмущении войска.

Но, за исключением разве совсем редких и исключительных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу. Нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов сколько нибудь большой страны. Далее одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически **сместить** помещиков и капиталистов, **заменить** их другим, рабочим управлением фабриками и имениями. Не может быть равенства между эксплуататорами, которые в течение долгих поколений выделялись и образованием и условиями богатой жизни и навыками,—и эксплуатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрознена. Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее и так далее.

Если эксплуататоры разбиты только в одной стране — а это, конечно типичный случай, ибо

одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение — то они остаются **все же сильнее** эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых из наименее развитых средне — крестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор **все** революции. Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чем «забыл» ученейший Каутский, были и пролетарии.)

При таком положении вещей предполагать, что при сколько нибудь глубокой и серьезной революции решает дело просто на просто отношение большинства к меньшинству, есть величайшее тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжинного либерала, есть **обман масс**, сокрытие от них заведомой исторической правды. Эта историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции **долгое упорное, отчаянное** сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми. Никогда иначе как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского — эксплуататоры не подчиняются решению большинства эксплуатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она незакончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта **надежда** превраща-

ется в **попытки** реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью и ненавистью, возросшей во стократ, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая» за их семью, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...) А за эксплуататорами — капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствует, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, мыкает, перебегает из лагеря в лагерь, как наши меньшевики и эсэры.

И при таком положении вещей, в эпоху отчаянной, обостренной войны, когда историей ставятся на очередь дня вопросы о бытии или небытии вековых и тысячелетних привилегий, — толковать о большинстве и меньшинстве, о чистой демократии, о ненадобности диктатуры, о равенстве эксплуататора с эксплуатируемым! Какая бездна тупоумия, какая пропасть филистерства нужна для этого!

Но десятилетия сравнительно «мирного капитализма, 1871-1914 г.г. накопили в прилаживающихся к оппортунизму социалистических партиях авгиевы конюшни филистерства, узколобия, ренегатства....

Читатель заметил, вероятно, что Каутский в приведенной выше цитате из его книги говорит о посягательстве на всеобщее избирательное право (называя его-в скобках будь замечено— глубоким источником могучего морального авто ритета, тогда как Энгельс по поводу той же Парижской Коммуны и по поводу того же вопроса о диктатуре говорит об авторитете вооруженного народа против буржуазии; характерно сравнить взгляд филистера и революционера на «авторитет»...)

Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть чисторусский вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще. Если бы Каутский не лицемеря, озаглавил свою брошюру : «Против большевиков», тогда это заглавие соответствовало бы содержанию брошюры и тогда Каутский имел бы право говорить прямо об избирательном праве. Но Каутский захотел выступить прежде всего как «теоретик». Он озаглавил свою брошюру: «Диктатура пролетариата» **вообще.** Он говорит о советах и о России специально лишь во второй части брошюры, начиная с 5-го параграфа ее.

В первой же части (из которой мною и взята цитата), речь идет о **демократии** и **диктатуре вообще**. Заговорив об избирательном праве, Каутский **выдал себя**, как полемиста против большевиков, **ни во грош не ставящего теорию.** — Ибо теория, т. е. рассуждение об общих (а не национальных-особых) классовых основах демократии и диктатуры, должна говорить не о специальном вопро-

се в роде избирательного права, а об общем вопросе: **может ли быть демократия сохранена и для богатых, и для эксплуататоров** в исторический период свержения эксплуататоров и замены их государства государством эксплуатируемых?

Так и только так может ставить вопрос теоретик.

Мы знаем пример коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с нею и по поводу нее. На основании этого материала я разбирал, например, вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре «Государство и Революция» написанной до октябрьского переворота. Об ограничении избирательного права **я не говорил еще слова.** И теперь надо сказать что вопрос об ограничении избирательного права есть национально особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая **особые условия** русской революции, **особый путь** ее развития. В дальнейшем изложении это и будет сделано. Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть так, после войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это **необязательно** для осуществления диктатуры, это не составляет **необходимого** признака логического понятия диктатуры, это не входит **необходимым** условием в историческое и классовое понятие диктатуры.

Необходимым признаком, обязательным ус-

ловием диктатуры является **насильственное** подавление эксплуататоров, как класса и, следовательно, **нарушение** «чистой демократии», т. е. равенства и свободы, по **отношению** к этому **классу.**

Так и только так может быть поставлен вопрос теоретически. И Каутский тем, что он не поставил так вопроса, доказал, что выступает против большевиков не как теоретик, а как сикофант оппортунистов и буржуазии.

В каких странах, при каких национальных особенностях того или иного капитализма будет применено (исключительно или преимущественно) то или иное ограничение, нарушение демократии для эксплуататоров, это вопрос о национальных особенностях того или иного капитализма, той или иной революции. Теоретически вопрос стоит иначе, он стоит так: возможна ли диктатура пролетариата **без нарушения демократии** по отношению к классу эксплуататоров?

Каутский именно этот, теоретически **единственно** важный и существенный вопрос обошел. Каутский приводил всякие цитаты из Маркса и Энгельса, **кроме тех**, которые относятся к данному вопросу и которые приведены мной выше.

Каутский разговаривал обо всем, что угодно, обо всем, что приемлемо для либералов и буржуазных демократов, что не выходит из их круга идей,—кроме главного, кроме того, что пролетариат не может победить не **сломив сопротивления** буржуазии, **не подавив насильственно своих противников**, и что там, где есть «насильственное

подавление», где нет «свободы», **конечно нет демократии.**

Этого Каутский не понял. Перейдем к ответу русской революции и к тому расхождению между Совдепами и Учред. Собранием, которое (расхождение) привело к роспуску Учредилки и к лишению буржуазии избирательного права.

Советы не смеют превращаться в государственные организации.

Советы, это русская форма пролетарской диктатуры. Если-бы теоретик-марксист, пишущий работу о диктатуре пролетариата, действительно изучал это явление (а не повторял мелко-буржуазные ламентации против диктатуры, как делает Каутский, переживая меньшевистские мелодии), то такой теоретик дал бы общее определение диктатуры, а затем рассмотрел бы ее особую, национальную форму, советы, дал бы критику их, как одной из форм диктатуры пролетариата.

Понятно, что от Каутского, после его либеральной «обработки» учения Маркса о диктатуре, ждать чего-либо серьезного нельзя. Но в высшей степени характерно посмотреть, как же он подошел к вопросу о том, что такое советы, и как он справился с этим вопросом.

Советы, пишет он, вспоминая их возникновение в 1905 году, создали такую «форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей (Umfassendste) из всех, ибо она обнимала, всех наемных рабочих» (стр. 31).

В 1905 году они были только местными корпорациями, в 1917 г. стали всероссийским об'единением.

«Уже теперь,—продолжает Каутский,— советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая и притом не только в одной России. Везде оказывается,что против гигантских сил, которыми распоряжается в экономическом и политическом отношениях финансовый капитал, недостаточны» (Versagen, это немецкое выражение немножко сильнее, чем «недостаточно», и немножко слабее, чем «бессильны») «прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата. От них нельзя отказаться, они остаются необходимыми для нормальных времен, но от времени до времени перед ними встают такие задачи, выполнить которые они не в силах, такие задачи когда успех обещает только соединение всех политических и экономических орудий силы рабочего класса». (32)

Следует рассуждение о массовой стычке и о том, что «бюрократия профессиональных союзов», столь же необходимая, как профессиональные союзы, не годится, чтобы руководить такими могучими массовыми битвами, которые все более становятся знаменем времени»...

.... «Таким образом, — заключает Каутский, —советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу.

Но вправе ли мы требовать от советов **еще** большего? Большевики, которые после ноябрьской (по новому стилю, т-е. по нашему, октябрьской) революции 1917-го года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах Рабочих Депутатов, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор **боевой организацией** одного **класса**, сделать **государственную организацию**.

Они уничтожили демократию, которую русский народ завоевал в мартовской (по новому стилю, по-нашему, в февральской) революции. Соответственно этому большевики перестали называть себя **социал-демократами**. Они называют себя **коммунистами**. (Стр. 33, курсив Каутского).

Кто знает русскую меньшевистскую литературу, тот сразу видит, как рабски переписывает Каутский Мартова, Аксельрода, Штейна и Ко. Именно «рабски», ибо Каутский до смешного искажает факты в угоду меньшевистским предрассудкам. Каутский не позаботился, напр., справиться у своих информаторов, в роде берлинского Штейна или стокгольмского Аксельрода, **когда** подняты были вопросы о переименовании большевиков в коммунистов и о значении Советов, как государственного организма. Если бы Каутский навел эту простую справку, он не написал бы строк, вызывающих смех, ибо оба эти вопроса подняты были большевиками **в апреле 1917 года**, например, в моих «тезисах» 4 апреля 1917 года, т.-е. **задолго** до ок-

тябрьской революции 1917 года (не говоря уж о разгоне Учредилки 5 января 1918 года).

Но выписанное мною полностью рассуждение Каутского есть **гвоздь** всего вопроса о советах. Гвоздь именно в том, должны ли Советы стремиться к тому, чтобы стать государственными организациями. (большевики в апреле 1917 г. выдвинули лозунг: «вся власть советам», и на конференции партии большевиков в том же апреле 1917 года большевики заявили, что не удовлетворяются буржуазной парламентарной республикой, а требуют рабоче-крестьянской республики типа коммуны или типа Советов): **или** Советы не должны стремиться к этому, не должны брать власти в руки, не должны становиться государственными организациями, а должны оставаться «боевыми организациями» одного «класса» (как выражался Мартов, благовидно прикрашивая своим невинным пожеланием тот факт, что Советы были под меньшевистским руководством **орудием подчинения рабочих буржуазии**).

Каутский повторил рабски слова Мартова, взяв **обрывки** из теоретического спора большевиков с меньшевиками и перенося эти обрывки, без критики и без смысла, на общетеоретическую, общеевропейскую почву. Вышла такая каша, которая у каждого сознательного русского рабочего, если бы он ознакомился с приведенным рассуждением Каутского, вызвала бы гомерический смех.

Таким же смехом будут встречать Каутского все европейские рабочие (кроме горстки

закоренелых социал-империалистов), когда мы им об'ясним, в чем тут дело.

Каутский оказал Мартову медвежью услугу, доведя до абсурда, с необыкновенной наглядностью, ошибку Мартова. В самом деле посмотрите, что вышло у Каутского.

Советы обнимают всех наемных рабочих. Против финансового капитала, прежние методы экономической и политической борьбы недостаточны. Советам предстоит великая роль не только в России.

Они сыграют решающую роль в великих решающих битвах между капиталом и трудом в Европе. Так говорит Каутский.

Прекрасно. «Решающие битвы между капиталом и трудом», не решают ли они вопрос о том, какой из этих классов завладеет государственной властью?

Ничего подобного. Боже упаси.

В «решающих» битвах союзы, охватывающие всех наемных рабочих, **не должны становиться государственной организацией!**

А что такое государство?

Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Итак, угнетенный класс, авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в современном обществе, должен стремиться к «решающим битвам между капиталом и трудом», но **не должен трогать** той машины, посредством которой капиталом подавляется труд! — **Не должен ломать этой машины!—Не должен своей всеоб'емлющей ор-**

ганизации использовать для подавления эксплуататоров!

Великолепно, превосходно, господин Каутский! «Мы» признаем классовую борьбу,—как ее признают все либералы, т.-е. без низвержения буржуазии..

Вот где полный разрыв Каутского и с марксизмом и с социализмом становится явным. Это переход фактически на сторону буржуазии, которая готова допустить все, что угодно, кроме превращения организации угнетенного ею класса в государственные организации. Здесь уже Каутскому никак не спасти своей, все примиряющей, от всех глубоких противоречий отделывающейся фразами, позиции.

Либо Каутский отказывается от всякого перехода государственной власти в руки рабочего класса, либо он допускает, чтобы рабочий класс брал в руки старую, буржуазную государственную машину, но никоим образом не допускает, чтобы он сломал, разбил ее, заменив новою, пролетарскою. Так или этак «толковать» и «раз'яснять» рассуждение Каутского, в обоих случаях разрыв с марксизмом и переход на сторону буржуазии очевиден.

Еще в «Коммунистическом Манифесте», говоря о том, как государство нужно победившему рабочему классу, Маркс писал: «государство, т. е. организованный как государствующий класс пролетариат»..

Теперь является человек с претензией, что он продолжает быть марксистом, и заявляет, что организованный поголовно и ведущий «решаю-

щую борьбу» с капиталом, пролетариат **не должен** делать своей классовой организации государственною. «Суеверная вера в государство», про которую Энгельс в 1891 году писал, что она «перешла в Германии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих», — вот что обнаружил здесь Каутский. Боритесь, рабочие—«соглашается» наш филистер (на это «согласен и буржуа, раз рабочие все равно борются, и приходится думать лишь о том, как сломать острие их меча),—боритесь, но **не смейте побеждать!** Не разрушайте государственной машины буржуазии, не ставьте на место буржуазной «государственной организации» пролетарскую «государственную организацию»!

Кто всерьез разделял марксистский взгляд, что государство есть ни что иное, как машина для подавления одного класса другим, кто сколько-нибудь вдумался в эту истину, тот никогда не мог бы договориться до такой бессмыслицы, что пролетарские организации, способные победить финансовый капитал, не должны превращаться в государственные организации. Именно в этом пункте и оказался мелкий буржуа, для которого государство «все же таки» есть нечто внеклассовое или надклассовое. Почему бы в самом деле, позволено было пролетариату, **«одному классу»** вести решающую войну с **капиталом**, который господствует не только над пролетариатом, но над всем народом, над всей мелкой буржуазией, над всем крестьянством, но не позволено было пролетариату, **«одному классу»**, превращать свою организацию в государственную? Потому, что

мелкий буржуа **боится классовой** борьбы и не доводит ее до конца, **до самого главного.**

Каутский запутался совершенно и выдал себя с головой. Заметьте, он признал сам, что Европа идет навстречу к решающим битвам между капиталом и трудом и что прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. А эти методы как раз состоят в использовании буржуазной демократии. Следовательно?...

Каутский побоялся додумать, что из этого следует.

... Следовательно, **только реакционер**, враг рабочего класса, прислужник буржуазии может размалевывать теперь прелести буржуазной демократии и болтать о чистой демократии, поворачиваясь лицом к отжившему прошлому. Буржуазная демократия **была** прогрессивна по отношению к средневековью, и использовать ее надо было. Но теперь она **недостаточна** для рабочего класса. Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии **пролетарской**. И если подготовительная работа к пролетарской революции, обучение и формулирование пролетарской армии были возможны (и необходимы) в **рамках** буржуазно-демократического государства, то, раз дошло дело до «решающих битв», ограничивать пролетариат этими рамками—значит быть изменником пролетарского дела, значит быть ренегатом. Каутский попал в особенно смешной просак, ибо повторил довод Мартова, **не заметив**, что у Мартова этот довод опирается **на другой** довод, которого у Ка-

утского нет! Мартов говорит (а Каутский за ним повторяет), что Россия еще не дозрела до социализма, из чего естественно вытекает: рано еще превращать Советы из органов борьбы в государственные организации (читай: своевременно обращать Советы, при помощи меньшевистских вождей, в органы **подчинения** рабочих империалистской буржуазии). Каутский же **не может** сказать прямо, что Европа не дозрела до социализма. Каутский писал в 1909 году, когда он еще не был ренегатом, что **преждевременной** революции теперь бояться нельзя, что изменником был бы тот, кто из боязни поражения отказался бы от революции. Отречься **прямо** от этого Каутский не решается. И выходит такая бессмыслица, которая всю глупость и трусость мелкого буржуа разоблачает до конца: с одной стороны, Европа зрела для социализма и идет к решающим битвам труда с капиталом,— а с другой стороны, **боевую организацию** (т.-е. складывающуюся, растущую, крепнущую в борьбе), организацию пролетариата, авангарда и организатора, вождя угнетенных, **нельзя** превращать в государственную организацию!

**
*

В практически политическом отношении идея, что Советы необходимы, как боевая организация, но не должны превращаться в государственные организации, еще безконечно более нелепа, чем в теоретическом. Даже в мирное время, когда нет на лицо революционной ситуации, массовая борьба рабочих с капиталистами, например, массовая стачка, вызывает страшное

озлобление с обеих сторон, чрезвычайную страстность борьбы, постоянные ссылки буржуазии на то, что она остается и хочет оставаться «хозяином в доме», и т. п. А во время революции, когда политическая жизнь кипит, такая организация, как Советы, охватывающая **всех** рабочих, **всех** отраслей промышленности, затем **всех** солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население, такая организация сама собою, ходом борьбы, простой «логикой» натиска и отпора неизбежно приходит к постановке вопроса **ребром.** Попытка занять срединную позицию, «примирить» пролетариат и буржуазию, является тупоумием и терпит жалкий крах: так было в России с проповедью Мартова и других меньшевиков, так же неизбежно будет и в Германии и в других странах, если Советы разовьются сколько-нибудь широко, успеют об'единиться и укрепиться. Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями— значит проповедывать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха. Сидение между двух стульев—вечная судьба Каутского. Он делает вид, что ни в чем не согласен с оппортунистами в теории, а на самом деле он во всем существенном (т.-е. во всем, что относится к революции) согласен с ними **на практике.**

Учредительное Собрание и Советская Республика

Вопрос об учредительном собрании и его разгоне большевиками—гвоздь всей брошюры Каутского. К этому вопросу он возвращается постоянно. Кивками на то, как большевики «уничтожили демократию» (см. выше в одной цитате из Каутского), переполнено все произведение идейного вождя 2-го Интернационала. Вопрос, действительно, интересный и важный, ибо соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией практически. Посмотрим же, как рассматривает этот вопрос наш «теоретик-марксист».

Он цитирует «тезисы об Учредительном Собрании», которые были написаны мною и опубликованы в «Правде» 26—XII—1917. Казалось бы, лучшего доказательства серьезного подступа к делу со стороны Каутского, с документами в руках, и ожидать нельзя. Но взгляните, как цитирует Каутский. Он не говорит, что этих тезисов было 19, он не говорит, что в них был поставлен вопрос как о соотношении обычной буржуазной республики с Учредительным Собранием и Республикой Советов, так и об истории расхождения в нашей революции Учредительного Собрания с диктатурой пролетариата. Каутский обходит все это и просто заявляет читателю, что «особенно важны из них (из этих тезисов) два»: один—что эсеры раскололись после выборов в Учредительное Собрание, но до его созыва (Каутский молчит о том, что это тезис 5-й), другой—что Республика Советов во-

обще более высокая демократическая форма, чем Учредительное Собрание (Каутский молчит о том, что это—тезис третий).

И вот только из этого третьего тезиса Каутский цитирует полностью частицу его, именно, следующее положение:

«Республика Советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению **с обычной**, буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный *) переход к социализму» (Каутский опускает слово «обычной» и вступительные слова тезиса: «для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата»).

Процитировав эти слова, Каутский с великолепной иронией восклицает: «Жаль только, что к этому выводу пришли лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредитель-

---

*) Между прочим, это выражение «наиболее безболезненный» переход Каутский цитирует многократно, покушаясь, очевидно, на иронию.

Но так как покушение это с негодными средствами, то Каутский через несколько страниц совершает передержку и цитирует фальшиво: «безболезненный» переход. Конечно, такими средствами подсунуть противнику бессмыслицу не трудно. Передержка помогает также обойти довод по существу: наиболее безболезненный переход к социализму возможен лишь при поголовной организации бедноты (Советы) и при содействии центра государственной власти (пролетариата) такой организации.

ном Собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин».

Так сказано буквально на стр. 31-й книги Каутского. Ведь это же перл! Только сикофант буржуазии мог представить дело так лживо, чтобы читатель получил впечатление, будто все разговоры большевиков о более высоком типе государства суть выдумка, появившаяся на свет **после** того, как большевики оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании! Столь гнусную ложь мог сказать только негодяй, продавшийся буржуазии, или, что совершенно одно и тоже, доверившийся Н. Аксельроду и скрывающий своих информаторов.

Ибо всем известно, что я в первый же день своего приезда в Россию—4—VI—1917 г., прочел публично тезисы, в которых заявил о превосходстве государства типа Коммуны над буржуазной парламентарной республикой. Я заявлял это потом **неоднократно** в печати, напр., в брошюре о политических партиях, которая была переведена на английский язык и появилась в Америке в январе 1918 года, в нью-иоркской газете «Ивнинг Пост». Мало того, конференция партии большевиков в конце апреля 1917 г. приняла резолюцию о том, что пролетарско-крестьянская республика выше буржуазной парламентской республики, что наша партия последнею не удовлетворится, что программа партии должна быть соответственно изменена.

Как назвать после этого выходку Каутского, уверяющего немецких читателей, будто я бурно требовал созыва Учредительного Собрания и

лишь после того, как большевики остались в нем в меньшинстве, стал «умалять» честь и достоинство Учредительного Собрания? Чем можно извинить такую выходку? **)

Тем, что Каутский не знал фактов? Но тогда зачем было ему браться писать о них! Или почему бы не заявить честно, что я, Каутский, пишу на основании сведений от меньшевиков Штейна и П. Аксельрода с Ко.? Каутский желает претензией на об'ективность прикрыть свою роль прислужника обиженных на свое поражение меньшевиков.

Однако, это только цветочки. Ягодки впереди будут. Допустим, что Каутский не пожелал или не мог (??) получить от своих информаторов перевода большевистских резолюций и заявлений по вопросу о том, удовлетворяются ли они буржуазной парламентарной демократической республикой. Допустим даже это, хотя это и невероятно. Но ведь тезисы-то мои от 26—XII—1917 г. Каутский **прямо упоминает** на стр. 30 своей книги.

Эти-то тезисы знает Каутский полностью, или из них он знает, что ему перевели Штейн, Аксельрод и Ко.? Каутский цитирует **третий** тезис по **коренному вопросу** о том, сознавали ли большевики **до** выборов в Учредительное Собрание и говорили ли они **народу**, что Республика

) Кстати сказать: подобной меньшевистской **лжи очень много в брошюре Каутского. Это—памфлет озлобленного меньшевика.

Советов выше буржуазной республики. **Но Каутский умалчивает о 2-м тезисе.**

А второй тезис гласит: «Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года **неоднократно подчеркивала, что Республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная, буржуазная республика с Учредительным Собранием»** (курсив мой).

Чтобы представить большевиков беспринципными людьми «революционными оппортунистами» (это выражение, не помню в какой связи, употребляет где-то в своей книге Каутский), господин Каутский **скрыл от немецких читателей**, что в тезисах есть прямая ссылка на «неоднократные» заявления!

Таковы те мелкие, мизерные и презренные приемы, которыми оперирует господин Каутский. От **теоретического** вопроса он, таким образом, увернулся.

Верно это или нет, что буржуазно-демократическая парламентарная республика стоит **ниже**, чем республика типа коммуны или типа Советов? В этом гвоздь, а Каутский это обошел. Все то, что дал Маркс в анализе Парижской Коммуны, Каутский «забыл». Он «забыл» и письмо Энгельса к Бебелю от 28—III—1875 г., в котором особенно наглядно и вразумительно выражена та же мысль Маркса: «Коммуна не была уже государством в собственном смысле слова».

Вот вам самый выдающийся теоретик 2-го

Интернационала, который в специальной брошюре о «Диктатуре пролетариата», специально рассуждая о России, где прямо и неоднократно поставлен вопрос о форме государства более высокого, чем демократическо-буржуазная республика, замалчивает этот вопрос.

Чем же это отличается на деле от перехода на сторону буржуазии?

(Заметим в скобках, что и здесь Каутский плетется в хвосте русских меньшевиков. У них людей, знающих «все цитаты» из Маркса и Энгельса, сколько угодно, но ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. **ни разу** не потребовал разобрать вопроса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. Пришлось, верно, помолчать.)

Само собою разумеется, что разговаривать о разгоне Учредительного Собрания с людьми, которые называют себя соцпалистами и марксистами, но на деле переходят к буржуазии по **главному** вопросу, по вопросу о государстве типа Коммуны, значило бы метать бисер перед свиньями. Достаточно будет напечатать в приложении к настоящей брошюре мои тезисы об Учредительном Собрании полностью. Из них читатель увидит, что вопрос был поставлен 26 XII. 1917 г. и теоретически, и исторически, и практически—политически.

Если Каутский, как теоретик совершенно отрекся от марксизма, то он мог бы, как историк, рассмотреть вопрос о борьбе Советов с Учредительным Собранием. Мы знаем из многих

работ Каутского, что он умел быть марксистом историком, что такие работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство, но по данному вопросу Каутский и как историк отворачивается от истины, игнорирует общеизвестные факты, поступает, как сикофант. Ему хочется представить большевиков беспринципными, и он рассказывает, как пробовали большевики смягчить конфликт с Учредительным Собранием, прежде чем разогнать его. Решительно ничего дурного тут нет, отрекаться нам не от чего; тезисы я печатаю полностью, и в них сказано яснее ясного: господа колеблющиеся мелкие буржуа, засевшие в Учредительном Собрании, либо миритесь с пролетарской диктатурой, либо мы вас «революционным путем» победим (тезисы 18 и 19).

Так всегда поступал и так всегда будет поступать действительно революционный пролетариат по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

Каутский стоит в вопросе об Учредительном Собрании на формальной точке зрения. В тезисах у меня сказано ясно и многократно, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания (см. тезисы 16 и 17). Формально-демократическая точка зрения и есть точка зрения буржуазного демократа, который не признает, что интерес пролетариата и пролетарской классовой борьбы стоит выше. Каутский, как историк, не мог бы не признать, что буржуазные парламенты являются органами того или иного класса. Но теперь

Каутскому понадобилось (для грязного дела отречения от революции) забыть марксизм, и Каутский **не ставит вопроса**, органом какого **класса** было Учредительное Собрание в России. Каутский не разбирает конкретной обстановки, ему не хочется посмотреть на факты, он ни слова не говорит немецким читателям о том, что в тезисах дано не только теоретическое освещение вопроса об ограниченности буржуазной демократии (Тезисы 1—3), не только конкретные условия, определившие несоответствие партийных списков половины октября 1917 г. с действительностью в декабре 1917 г. (Тезисы 4—6), но и история классовой борьбы и гражданской войны в октябре-декабре 1917 г. (Тезисы 7—15). Из этой конкретной истории мы сделали вывод (Тезис 14), что лозунг «вся власть Учредительному Собранию» стал **на деле** лозунгом кадетов, калединцев и их пособников.

Историк Каутский этого не замечает. Историк Каутский никогда не слыхал о том, что всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные и контр-революционные парламенты. Историк-марксист Каутский не слыхал о том, что одно дело—форма выборов, форма демократии, другое дело классовое содержание данного учреждения. Этот вопрос о классовом содержании Учредительного Собрания прямо поставлен и разрешен в моих тезисах. Возможно, что мое разрешение не верно. Ничто не было бы для нас так желательно, как марксистская критика нашего анализа со стороны. Вместо того, чтобы писать совсем глу-

ные фразы (их много у Каутского) насчет того, будто кто-то мешает критике большевизма. Каутскому следовало бы приступить к такой критике. Но в том-то и дело, что критики у него нет. Он даже и **не ставит вопроса** о классовом анализе Советов, с одной стороны, и Учредительного Собрания, с другой. И поэтому **нет возможности** спорить, дискутировать с Каутским, а остается только **показать** читателю, почему нельзя Каутского назвать иначе, как ренегатом. Расхождение Советов с Учредительным Собранием имеет свою историю, которую не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классовой борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал **коснуться**. Каутский скрыл от немецких читателей тот общеизвестный факт (который теперь скрывают лишь злостные меньшевики), что Советы и при господстве меньшевиков, т.-е. с конца февраля до октября 1917 г. расходились с «общегосударственными» (т.-е. буржуазными) учреждениями. Каутский стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии, как бы Каутский ни отрекался от этого, но такая точка зрения есть факт, подтверждаемый всей брошюрой Каутского. Не надо было разгонять Учредительного Собрания, это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свергать ее, надо было примириться пролетариату с буржуазией.

Почему же Каутский умолчал о том, что меньшевики занимались этим мало почтенным делом с февраля по октябрь 1917 года и ничего

не достигли? Если было возможно помирить буржуазию с пролетариатом, почему же при меньшевиках примирение не удалось, буржуазия держалась в стороне от Советов, Советы назывались **(меньшевиками)** «революционной демократией», а буржуазия—«цензовыми элементами»?

Каутский скрыл от немецких читателей, что именно меньшевики в «эпоху» (11—X—1917 г.) своего господства называли Советы революционной демократией, тем самым признавая их превосходство над всеми прочими учреждениями. Только благодаря сокрытию этого факта у историка Каутского вышло так, что расхождение Советов с буржуазией не имеет своей истории, что оно явилось сразу, внезапно, беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. А на деле как раз **более чем полугодовой** (для революции это громадный срок) **опыт** меньшевистского соглашательства, попыток примирения пролетариата с буржуазией и убедил народ в бесплодности этих попыток и оттолкнул пролетариат от меньшевиков.

Советы—прекрасная, имеющая великое будущее, боевая организация пролетариата, признается Каутский. Раз так, вся позиция Каутского разваливается как карточный домик или как мечтание мелкого буржуа о том, чтобы обойтись без острой борьбы пролетариата с буржуазией. Ибо вся революция есть сплошная и притом отчаянная борьба, а пролетариат есть передовой класс **всех** угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению. Советы—орган борьбы

угнетенных масс—естественно отражали и выражали настроения и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения (в этом, между прочим, один из источников того, почему Советская демократия есть высший тип демократии).

Советы успели с 28-го февраля (старого стиля) по 25 октября 1917 года созвать два Всероссийских с'езда гигантского большинства населения России всех рабочих и солдат, семи или восьми десятых крестьянства, не считая массы местных уездных, городских, губернских и областных с'ездов. За это время буржуазия не успела созвать ни одного учреждения, представляющего большинство (кроме явно подложного, издевательского, озлобившего пролетариат, «демократического совещания»). Учредительное Собрание отразило **то же** настроение масс, **ту же** политическую группировку, что первый (июньский) Всероссийский с'езд Советов. Ко времени созыва Учредительного Собрания (январь 1918 года) состоялся Второй С'езд Советов (октябрь 1917 года) и третий (январь 1918 г.), при чем оба они **показали яснее ясного**, что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, **то-есть** отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии.

Следовательно, одна уже **внешняя история**

Советов показывает неизбежность разгона Учредительного Собрания и **реакционность** его. Но Каутский твердо, твердо стоит на своем «лозунге»: пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия»! Fiat Justitia, pereat mundus!

Вот краткие итоги Всероссийских С'ездов Советов в истории русской революции:

Всеросс. С'езды Сов.	Число дел.	Из них большевиков	% % большевиков
1-й (3—VI, 1917 г.)	790	103	13%
2-й (25—X, 1917 г.)	675	343	51%
3-й (10—I, 1918 г.)	710	434	61%
4-й (14—III, 1918)	1.232	795	64%
5-й (4—VII, 1918)	1.164	773	66%

Достаточно взглянуть на эти цифры, чтобы понять почему защита Учредительного Собрания или речи (в роде речей Каутского) о том, что большевики не имеют за собой большинства населения встречаются у нас только смехом.

Советская конституция.

Как я уже указывал, лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо

партии, а **выросла** сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил. Он не понял, что буржуазия, еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в Советах, сама отделила себя от Советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них. Советы возникали без всякой конституции и **больше года** (с весны 1917 до лета 1918 г.) жили без всякой конституции. Озлобление буржуазии против самостоятельной и всемогущей (ибо всех охватывающей) организации угнетенных, борьба—притом самая безжалостная, корыстная, грязная,—борьба буржуазии против Советов, наконец, явное участие буржуазии (от кадетов до правых эсеров, от Милюкова до Керенского) в корниловщине,—все это подготовило формальное исключение буржуазии из Советов.

Каутский о корниловщине слыхал, но он плюет величественно на исторические факты и ход, формы борьбы, определяющие формы диктатуры: при чем тут факты в самом деле, раз речь идет о «чистой» демократии. «Критика» Каутского, направленная против отнятия избирательных прав у буржуазии, отличается поэтому такой... сладенькой наивностью, которая была умилительна, если бы исходила от ребенка, и которая вызывает отвращение, когда исходит от лица, официально еще не признанного слабоумным.

«... Если бы капиталисты при всеобщем избирательном праве оказались незначительным

меньшинством, то они скорее бы помирились со своей судьбой» (33).

... Не правда ли, мило? Умный Каутский много раз видал в истории и вообще прекрасно знает из наблюдения живой жизни таких помещиков и капиталистов, которые считаются с волей большинства угнетенных. Умный Каутский твердо стоит на точке зрения «оппозиции», т.-е. на точке зрения внутри-парламентской борьбы. Он так и пишет—буквально: «оппозиция» (стр. 34 и мн. др.).

О, ученый историк и политик! Не мешало бы вам знать, что «оппозиция» есть понятие мирной и только парламентской борьбы, т.-е. понятие, соответствующее не-революционной ситуации, понятие, соответствующее **отсутствию революции.** В революции речь идет о беспощадном враге в гражданской войне—никакие реакционные перемияды мелкого буржуа, боящегося такой войны, как боится ее Каутский, не изменят этого факта. Рассматривать вопросы беспощадной гражданской войны, когда буржуазия идет на все преступления—пример версальцев и их сделки с Бисмарком говорят кое-что для всякого человека, который относится к истории не как гоголевский Петрушка,—когда буржуазия призывает на помощь иностранные государства и интригует с ними против революции, это—комизм. Революционный пролетариат должен, подобно «путаницы советнику» Каутскому, одеть ночной колпак и рассматривать буржуазию, которая организует дутовские, красновские и чешские контр-революционные восстания, которая

платит миллионы саботажникам, рассматривать ее, как легальную «оппозицию». О, глубокомыслие!

Каутского интересует исключительно формально-юридическая сторона дела, так, что читая его рассуждения о Советской конституции, невольно вспоминаешь слова Бебеля: юристы это насквозь реакционные люди. «В действительности,—шипит Каутский,—капиталистов одних нельзя сделать бесправными. Кто такой капиталист в юридическом смысле? Имущий? Даже в такой далеко ушедшей по пути экономического прогресса стране, как Германия, пролетариат которой столь многочисленен, учреждение Советской республики сделало бы политически бесправными большие массы. В 1907 году в Германской империи число занятых промысловым трудом и их семей в трех больших группах—сельское хозяйство, промышленность и торговля,—составляло около 35 миллионов служащих и наемных рабочих, а в группе самостоятельных—17 миллионов. Следовательно, партия вполне может быть большинством среди наемных рабочих, но меньшинством в населении» (стр. 33).

Вот один из образчиков рассуждения Каутского. Ну, разве же это не контр-революционное хныканье буржуа? Почему вы всех «самостоятельных» зачислили в бесправных, господин Каутский, когда вы прекрасно знаете, что громадное большинство русских крестьян наемных рабочих не держит, значит, прав не лишается? Разве это не фальсификация? Почему вы, ученый экономист, не привели извест-

ных вам и имеющихся в той же немецкой статистике 1907 г. данных о наемном труде в сельском хозяйстве, по группам хозяйств? Почему вы не показали немецким рабочим, читателям вашей брошюры, этих данных, из коих было бы видно, **сколько эксплуататоров**, как немного эксплуататоров из всего числа «сельских хозяев» немецкой статистики? Потому что ваше ренегатство сделало вас простым сикофантом буржуазии. Капиталист, видите ли, неопределенное юридическое понятие, и Каутский на нескольких страницах громит «произвол» Советской конституции. Английской буржуазии этот «серьезный ученый» позволяет веками вырабатывать и разрабатывать новую (для средневековья) буржуазную конституцию, а нам, рабочим и крестьянам России, сей представитель лакейской науки не дает никаких сроков. От нас он требует до буквочки разработанной конституции в несколько месяцев...

«Произвол»! Подумайте только, какая бездна самого грязного лакейства перед буржуазией, самого тупого педантства обнаруживается **таким** упреком. Когда насквозь буржуазные и большею частью реакционные юристы капиталистических стран в течение веков или десятилетий разрабатывали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и раз'яснений законов, **притесняющих** рабочего, связывающих по рукам и ногам **бедняка**, ставящих тысячи придирок и препон любому простому трудящемуся человеку из народа,—о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «про-

извола»! Тут и «порядок» и «законность»! Тут все обдумано и прописано, как можно «дожать» бедняка. Тут есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников (про них Каутский вообще молчит, вероятно, именно потому, что Маркс придавал громадное значение разбитию чиновничьей машины...),—адвокатов и чиновников, умеющих истолковать закон так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не пробраться через проволочные заграждения этих законов. Это—не «произвол» буржуазии, это—не диктатура корыстных и грязных, нашившихся народной крови эксплуататоров, ничего подобного. Это—«чистая демократия», с каждым днем становящаяся все чище и чище. А когда трудящиеся и эксплуатируемые классы, впервые в истории, отрезанные империалистической войной от своих зарубежных братьев, составили **свои** Советы, привлекли к политическому строительству **те классы**, которые буржуазия угнетала, забивала, оглупляла, и стали **сами** строить **новое**, пролетарское государство, стали в пылу бешеной борьбы, в огне гражданской войны **намечать** основные положения о государстве без **эксплуататоров**,—тогда все мерзавцы буржуазии, вся банда кровопийц, с их подпевалой Каутским, завопили о «произволе»! Ну, где же, в самом деле, этим неучам рабочим и крестьянам, этой «черни» суметь истолковать свои законы? Где же им взять чувство справедливости им, простым трудящимся, не пользующимся советами образованных адвокатов, буржуазных писателей, Каутских и мудрых старых чиновников?

Из моей речи 28—IV—1918 г. господин Каутский цитирует слова: ... «Массы сами определяют порядок и сроки выборов»... и «чистый демократ» Каутский умозаключает:

«... Следовательно, дело обстоит, повидимому, так, что каждое собрание избирателей по своему усмотрению определяет порядок выборов. Произвол и возможность отделаться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата были бы таким образом доведены до высшей степени» (стр. 37).

Ну, чем это отличается от речей чернильного куля, нанятого капиталистами, который воет по поводу угнетения массою, при стачке, «желающих трудиться» прилежных рабочих? Почему чиновничье—**буржуазное** определение порядка выборов в «чисто» буржуазной демократии **не** есть произвол? Почему чувство справедливости **у масс, поднявшихся на борьбу** с их вековыми эксплуататорами, у масс, просвещаемых и закаляемых этой отчаянной борьбой, должно быть ниже, чем у **горсток** воспитанных в **буржуазных** предрассудках чиновников, интеллигентов, адвокатов?

Каутский—истинный социалист, не смейте заподозрить искренность этого почтеннейшего отца семейства, этого честнейшего гражданина. Он—горячий и убежденный сторонник победы рабочих, пролетарской революции. Он только желал-бы, чтобы сладенькие интеллигентики-мещане и филистеры в ночном колпаке **сначала, до** движения масс, **до** их бешенной борьбы с эксплуататорами и непременно **без** гражданской вой-

ны, составили умеренный и аккуратный **устав развития революции**... С глубоким нравственным возмущением наш ученейший Иудушка Головлев рассказывает немецким рабочим, что 14—VI—1918 г. Всероссийский Ц. И. К. Советов постановил исключить из Советов представителей партии правых эсеров и меньшевиков. «Это мероприятие,—пишет Иудушка Каутский, весь горя от благородного негодования,—направляется не против определенных лиц, которые совершили определенные наказуемые действия... Конституция Советской Республики ни слова не говорит о неприкосновенности депутатов—членов Советов. Не определенные **лица**, а определенные **партии** исключаются здесь из Советов» (стр. 37).

Да, это в самом деле ужасно, это нестерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым и Ко., Либерданам с Потресовыми («антивистам») и Ко., потом написать уголовное уложение, об'являющее «наказуемым» участие в чехо-словацкой контр-революционной войне или союзе на Украине или в Грузии с немецкими империалистами **против** рабочих своей страны, и **только потом**, на основании этого уголовного уложения, мы были бы в праве, согласно «чистой демократии», исключать из Советов «определенных лиц». Само собой разумеется при этом, что чехо-словаки, получающие через Савинковых, Потре-

совых и Либерданов (или при помощи их агитации) деньги от англо-французских капиталистов, а равно Красновы, имеющие снаряды от немцев при помощи украинских и тифлисских меньшевиков, смирно сидели бы до тех самых пор, пока мы изготовили правильное уголовное уложение, и, как самые чистые демократы, ограничивались ролью «оппозиции»...

Не менее сильное нравственное негодование вызывает у Каутского то, что Советская конституция отнимает избирательные права у тех, кто «держит наемных рабочих с целью прибыли». «Работник на дому или маленький хозяйчик,—пишет Каутский,—с одним подмастерьем может жить и чувствовать вполне по-пролетарски, у него нет избирательного права» (стр. 36).

Какое отступление от «чистой демократии»! Какая несправедливость! До сих пор все марксисты полагали и тысячами фактов подтверждали, что мелкие хозяйчики—самые бессовестные и прижимистые эксплуататоры наемных рабочих, но Иудушка Каутский берет, разумеется, не **класс** мелких хозяйчиков (и кто это выдумал вредную теорию классовой борьбы?), а отдельных лиц, таких эксплуататоров, которые «живут и чувствуют вполне по-пролетарски». Знаменитая «бережливая Агнесса», которую считали давно умершей, воскресла под пером Каутского. Эту бережливую Агнессу выдумал и пустил в ход в немецкой литературе несколько десятилетий тому назад «чистый» демократ, буржуа Евгений Рихтер. Он пророчил несказанные беды от диктатуры пролетариата, от конфискации

капитала у эксплуататоров, он вопрошал с невинным видом, кто такой капиталист в юридическом смысле. Он брал пример бедной бережливой швеи («бережливая Агнесса»), у которой злые «диктаторы пролетариата» отнимают ее последние гроши. Было время, когда вся немецкая социал-демократия потешалась над этой «бережливой Агнессой» чистого демократа Евгения Рихтера. Но это было давно, так давно, когда еще жил Бебель, говоривший открыто и прямо правду, что-де в нашей партии много национал-либералов, это было давно, когда еще Каутский не был ренегатом.

Теперь «бережливая Агнесса» воскресла в лице «вполне по-пролетарски живущего и чувствующего мелкого хозяйчика с одним подмастерьем». Злые большевики обижают его, отнимают у него избирательное право. Правда, «всякое избирательное собрание», как говорит все тот же Каутский, может в Советской Республике пустить к себе связанного, допустим, с данным заводом бедного мастерка, если он, в виде исключения, не эксплуататор, если он **на деле** «живет и чувствует вполне по-пролетарски». Но разве можно положиться на знание жизни, на чувство справедливости неупорядоченного и действующего (о, ужас!) без устава заводского собрания простых рабочих? Разве не ясно, что лучше дать избирательное право **всем** эксплуататорам, всем нанимающим наемных рабочих, чем рисковать возможностью, что рабочие обидят «бережливую Агнессу» и «по-пролетарски» живущего и чувствующего мастерка?

**
*

Пусть презренные негодяи ренегатства, приветствуемые буржуазией и социал-шовинистами *), поносят нашу Советскую конституцию за то, что она отнимает избирательное право у эксплуататоров. Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсэями-Макдональдами, со старыми вождями и старыми предателями социализма.

Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут **за нас.** Достаточно ознакомить таких пролетариев и эти массы с нашей Советской конституцией, и они скажут сразу: вот где настоящие **наши люди,** вот где настоящая рабочая партия, настоящее рабочее правительство. Ибо оно не обманывает рабочих болтовней о реформах, как **обманывали нас все названные вожди,** а борется с серьез с эксплуататорами, проводит в серьез революцию, борется **на деле** за полное освобождение рабочих.

Если эксплуататоры лишены избирательных прав Советами после годовой «практики» Со-

---

*) Я только-что прочел передовицу во «Франкфуртской Газете» (22—X, 1918, № 293), с восторгом пересказывающую брошюру Каутского. Газета биржевиков довольна. Еще бы! А товарищ из Берлина пишет мне, что «Форвертс», газета шейдемановцев, в специальной статье заявил, что подписывается почти под каждой строчкой Каутского. Поздравляем, поздравляем!

ветов, **значит** эти Советы суть действительно организации угнетенных масс, а не продавшихся буржуазии социал-империалистов и социал-пацифистов. **Если** эти Советы отняли избирательное право у эксплуататоров, **значит** Советы не органы мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами, не органы парламентской болтовни (Каутских, Лонге и Макдональдов), а органы действительно революционного пролетариата, ведущего борьбу не на живот, а на смерть с эксплуататорами.

«Книжка Каутского здесь почти неизвестна», пишет мне из Берлина на-днях (сегодня 30. X) хорошо осведомленный товарищ. Я бы посоветовал нашим послам в Германии и в Швейцарии не пожалеть тысяч на скупку этой книги и на **раздачу ее даром** сознательным рабочим, чтобы втоптать в грязь ту «европейскую»—читай: империалистскую и реформистскую—социал-демократию, которая давно стала «смердящим трупом».

**
*

В конце своей книги, на стр. 61 и 63, господин Каутский горько плачет по поводу того, что «новая теория» (как он называет большевизм, боясь прикоснуться к анализу Парижской Коммуны Марксом и Энгельсом) «находит сторонников даже в старых демократиях, как, напр., Швейцария». «Непонятно» для Каутского, «если эту теорию принимают немецкие социал-демократы».

Нет, это вполне понятно, ибо революцион-

ным массам становятся противны после серьезных уроков войны и Шейдеманы и Каутские.

«Мы» всегда были за демократию,—пишет Каутский, — и вдруг мы же откажемся от нее!

«Мы», оппортунисты социал - демократии, всегда были против диктатуры пролетариата, и Кольбы с Ко. открыто говорили это **давно.** Каутский знает это и напрасно думает, что он скроет от читателей очевидный факт своего «возвращения в лоно» Бернштейнов и Кольбов.

«Мы», революционные марксисты, не говорили народу сотворить себе божка из «чистой» (буржуазной) демократии. Плеханов в 1903 г. был, как известно, революционным марксистом (до его печального поворота, приведшего его к позиции русского Шейдемана). И Плеханов говорил тогда на с'езде партии, принимавшем программу, что пролетариат в революции отнимет при надобности избирательное право у капиталистов, **разгонит какой-угодно парламент,** если он окажется контр-революционным. Что именно такой взгляд единственно соответствует марксизму, это увидит всякий хотя бы из приведенных мною выше заявлений Маркса и Энгельса. Это очевидно вытекает из всех основ марксизма.

«Мы», революционные марксисты, не говорили народу таких речей, с которыми любили выступать каутскианцы всех наций, лакействуя перед буржуазией, подделываясь под буржуазный парламент, замалчивая **буржуазный** ха-

рактер современной демократии и требуя только **ее** расширения, **ее** доведения до конца.

«Мы» говорили буржуазии: вы, эксплуататоры и лицемеры, говорите о демократии, в то же время ставя на каждом шагу тысячи преград участию **угнетенных масс** в политике. **Мы** ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения **вашей буржуазной** демократии, **дабы подготовить массы к революции** для свержения вас, эксплуататоров. И если вы, эксплуататоры, попытаетесь оказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем бесправными, мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды, ибо мы всерьез, а не по-шейдемановски и не по-каутскиански социалисты.

Вот как говорили и будем говорить «мы», революционные марксисты, и вот почему угнетенные массы будут за нас и с нами, а Шейдеманы и Каутские будут в помойной яме ренегатов.

Что такое интернационализм?

Каутский убежденнейшим образом считает и называет себя интернационалистом. Шейдеманов он об'являет «правительственными социалистами». Защищая меньшевиков (Каутский не говорит прямо, что солидарен с ними, но целиком проводит их взгляды), Каутский обнаружил замечательно наглядно, какого сорта

его «интернационализм». А так как Каутский — не одиночка, а представитель течения, неизбежно выросшего в обстановке 2-го Интернационала (Лонгэ во Франции, Турати в Италии, Нобс и Гримм, Грабер и Нэн в Швейцарии, Рамсэй Макдональд в Англии и т. п.), то остановиться на «интернационализме» Каутского поучительно.

Подчеркивая, что меньшевики тоже были в Циммервальде (диплом, несомненно, но... диплом подгнивший), Каутский следующим образом рисует взгляды меньшевиков, с которыми он согласен:

«... Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. До тех пор, пока это не достигнуто, русская армия должна была, по этому взгляду, стоять в боевой готовности. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало, они готовы были, в случае необходимости, заключить сепаратный мир, они старались силой вынудить его, усиливая и без того уже большую дезорганизацию армии» (стр. 27). Большевики должны были, по мнению Каутского, не брать власти и довольствоваться учредилкой.

Итак, интернационализм Каутского и меньшевиков состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформ, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций. Такой взгляд выражали неоднократно и Турати, и каутскианцы

(Гаазе и др.), и Лонгэ с Ко., заявлявшие, что мы-де за «защиту отечества».

Теоретически это—полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества. Политически это—подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции.

Признание «защиты отечества» есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии и при республике)—независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране,—то признание защиты отечества есть на деле поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму. В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть продолжение политики); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции.

Меньшевики гнусно обманывали народ, называя такую войну оборонительной или революционной, и Каутский, одобряя политику меньшевиков, одобряет обман народа, одобряет роль мелких буржуа, услужавших капиталу надувательством рабочих, привязыванием их к колеснице империалистов. Каутский проводит ти-

пично мещанскую, филистерскую политику, воображая (и внушая массам вздорную мысль), будто **выставление лозунга** меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы **проверить** их искренность, чтобы со словами сопоставить дела, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской **фразой**, а доискаться **классовой реальности.** Империалистская война не тогда перестает быть империалистской, когда шарлатаны, или фразеры, или мещане филистеры выдвигают сладенький «лозунг», а лишь тогда, когда **класс**, ведущий империалистскую войну и связанный с ней миллионами экономических нитей (а то и канатов), оказывается на деле **свергнутым** и когда его заменяет у власти действительно революционный класс, пролетариат. **Иначе из империалистской войны,—а равно из империалистского, грабительского мира,—вырваться нельзя.** Одобряя внешнюю политику меньшевиков, объявляя ее интернационалистской и циммервальдистской, Каутский, во-первых, показывает этим всю гнилость циммервальдского, оппортунистического, большинства (не даром мы, **левая** Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства!), а во-вторых,—и это самое главное,—Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной, на позицию реформистскую. Пролетариат борется за революционное свержение империалистской буржуазии, мелкая буржуазия за

реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при **подчинении** ему. Когда Каутский был еще марксистом, напр., в 1909 году, когда он писал «Путь к власти», он отстаивал именно идею о неизбежности **революции** в связи с войной, он говорил о приближении **эры революции.** Базельский манифест 1912 года прямо и определенно говорит о **пролетарской революции** в связи с той самой империалистской войной, между Германской и Английской группами которая в 1914 году и вспыхнула. И в 1918 году, когда революции в связи с войной начались, вместо того, чтобы раз'яснить их неизбежность, вместо того, чтобы обдумывать и продумывать до конца **революционную** тактику способы и приемы подготовки к революции, Каутский стал называть интернационализмом реформистскую тактику меньшевиков. Разве это не ренегатство?

Меньшевиков хвалит Каутский за то, что они настаивали на сохранении боевой готовности Армии. Большевиков он порицает за то, что они усиливали и без того уже большую «дезорганизацию армии». Это значит хвалить реформизм и подчинение империалистской буржуазии, порицать революцию, отрекаться от нея. Ибо сохранение боевой готовности означало и было при Керенском сохранение армии с **буржуазным** командованием (хотя бы и республиканским). Всем известно — и ход событий наглядно подтвердил, — что эта республиканская армия сохраняла **корниловский** дух, благодаря корниловскому командному составу. Бур-

жуазное офицерство не могло не быть корниловским, не могло не тяготеть к империализму, к насильственному подавлению пролетариата. Оставить по старому все основы империалистской войны, все основы **буржуазной** диктатуры, починить мелочи, подкрасить пустячки («реформы») — вот к чему сводилась на деле меньшевистская тактика.

И наоборот. Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент, поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся. Рядом с армией контрреволюция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих. Во Франции,—писал Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены ; «поэтому для буржуа, находящихся у господственного корнила, первой заповедью было разоружение рабочих». Вооруженные рабочие были зачатком **новой** армии, организационной ячейкой **нового** общественного строя. Раздавить эту ячейку, не дать ей вырасти было первой заповедью буржуазии. Первой заповедью всякой победоносной революции--Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою. Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию («дезорганизация», вопят по этому по-

воду реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция), иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса. Историк Каутский прежде понимал это. Ренегат Каутский забыл это.

Какое право имеет Каутский называть Шейдеманов «правительственными социалистами», если он **одобряет** тактику меньшевиков в русской революции? Меньшевики, поддерживая Керенского, вступая в его министерство, были правительственными социалистами точно так же. От этого вывода никак не уверится Каутский, если только попробует поставить вопрос о **господствующем классе**, ведущем империалистскую войну. Но Каутский избегает поставить вопрос о господствующем классе, вопрос, обязательный для марксиста, ибо одна постановка такого вопроса разоблачила бы ренегата.

Каутскианцы в Германии лонгэтисты во Франции, Турати и Ко. в Италии рассуждают так: социализм предполагает равенство и свободу наций, их самоопределение; **поэтому**, когда на нашу страну нападают, или когда неприятельские войска вторглись в нашу землю, социалисты в праве и обязаны защищать родину. Но это рассуждение есть, теоретически, либо сплошная издевка над социализмом, либо мошенническая увертка, а практически—политически это

рассуждение совпадает с рассуждением совсем темного мужичка, который не умеет даже и подумать о социальном, классовом характере войны и о задачах революционной партии во время реакционной войны.

Социализм против насилия над нациями— это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских социалистов и толстовцев, никто еще не выводит отсюда, что социализм против **революционного** насилия. Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой.

То же самое относится и к насилию над нациями. Всякая война состоит в насилии над нациями, но это не мешает социалистам быть **за** революционную войну. Классовый характер войны—вот основной вопрос, стоящий перед социалистом (если он не ренегат). Империалистская война 1914—1918 г.г. есть война между двумя группами империалистской буржуазии за дележ мира, за дележ добычи, за ограбление и удушение мелких и слабых наций. Такую оценку войны дал Базельский манифест в 1912 году, такую оценку подтвердили факты. Кто сходит с этой точки зрения на войну, тот не социалист.

Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я в праве и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель

вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, непереволюционного пролетария, а **мещанина-националиста**. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка **всей** войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т.-е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела.—вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чем его мещански - националистическая узость. Это все равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию, над одним лицом, кто-либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: социализм против насилия над нациями, **поэтому** я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну, **предает** социализм и интернационализм. Ибо такой человек **видит только** свою «страну», выше всего ставит «свою»... буржуазию, не думая об **интернациональных связях**, делающих войну империалистскою, делающих **его** буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и темные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгэтисты, Турати и Ко., именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела. *)

*) Социал-шовинисты (Шейдеманы, Реноделя, Хен-

Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», **а от того, какой класс** ведет войну, какая политика продолжается данной войной. Если данная война есть реакционная империалистская война, т.-е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической грабительской реакционной буржуазии, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа, и моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить **мировую пролетарскую** революцию, как единственное спасение от ужасов мировой войны. Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он— игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения **моего участия** в подготовке, в

дерсоны, Гомперсы и Ко) отказываются от всяких речей об » интернационале» во время войны. Они считаются «изменниками»..социализму врагов «своей» буржуазии. Они за завоевательную политику своей буржуазии. Социал пацифисты (т.-е. социалисты на словах, мещанские пацифисты на деле) выражают всякие «интернационалистические» чувства, восстают против аннексий и проч., но на деле продолжают поддерживать свою империалистическую буржуазию. Разница между двумя типами несерьезная, в роде как разница между капиталистом со злыми и капиталистом с сладкими речами на устах.

пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста. Вот какую азбуку «забыл» ренегат Каутский. И его ренегатство становится еще более наглядным, когда он от одобрения тактики мелкобуржуазных националистов (меньшевиков в России, лонгюистов во Франции, Турати в Италии, Гаазе и Ко. в Германии) переходит к критике большевистской тактики. Вот эта критика:

«Большевистская революция была построена на предположении, что она послужит исходным пунктом для всеобщей европейской революции; что смелая инициатива России побудит пролетариев всей Европы подняться».

«При таком предположении было, разумеется, безразлично, какие формы примет русский сепаратный мир, какие тяжести и потери территории (буквально: членовредительства или калечения, Verstummelungen) принесет он русскому народу, какое истолкование самоопределения наций он даст. Тогда безразлично было также, способна Россия защищаться или нет. Европейская революция, по этому взгляду, составляла наилучшую защиту русской революции, она должна была принести всем народам на прежней российской территории полное и настоящее самоопределение».

«Революция в Европе, которая принесла бы там социализм и укрепила его, должна была также стать средством для устранения тех по-

мех, которые ставились в России осуществлению социалистическаго производства экономической отсталостью страны».

«Все это было очень логично и хорошо обосновано, если только допустить основное предположение, что русская революция неминуемо должна развязать европейскую. Ну, а как в том случае, если этого не случится?

«До сих пор это предложение не оправдалось. И теперь пролетариев Европы обвиняют, что они покинули и предали русскую революцию. Это-обвинение против неизвестных, ибо ко го же сделать ответственным за поведение Европейского пролетариата? (стр. 28) И Каутский разжевывает дополнительно, что Маркс, Энгельс, Бебель ошиблись не раз насчет наступления ожидавшейся ими революции, но что они никогда не строили своей тактики на ожидании революции **в определенный срок»** (ст. 29), тогда как дескать большевики «поставили все на одну карту всеобщей европейской революции».

Мы нарочно выписали столь длинную цитату, чтобы показать читателю наглядно, как «ловко» подделывает Каутский марксизм, подменяя его пошлым и реакционным мещанским взглядом.

Во-первых, приписывать противнику явную глупость и потом опровергнуть ее есть прием не очень-то умных людей. Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах к определенному сроку, это была бы беспорная глупость. Но большевистская партия этой глупости не сделала: в

моем письме к американским рабочим (20. VIII. 1918 г.) я прямо отгораживаюсь от этой глупости, говоря, что мы рассчитываем на американскую революцию, но не к определенному сроку. В моей полемике против левых эсеров и «левых коммунистов» (январь-март 1918 г.) я неоднократно развивал эту же самую мысль. Каутский совершил маленькую... совсем маленькую передержку, на которой и построил свою критику большевизма. Каутский смешал воедино тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в более или менее близкий, но не в определенный срок, и тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в определенный срок. Маленький подлог, совсем маленький.

Вторая тактика есть глупость. Первая **обязательна** для марксиста, для всякого революционного пролетария и интернационалиста,— **обязательна**, ибо только она марксистски правильно учитывает об'ективное положение во всех европейских странах, порождаемое войной, только она отвечает интернациональным задачам пролетариата. Подменивши крупный вопрос об основах революционной тактики вообще—мелким вопросом о той ошибке, которую могли бы сделать революционеры-большевики, но которой они не сделали, Каутский благополучно отрекся от революционной тактики вообще.

Ренегат в политике, он в теории **не умеет даже поставить вопроса** об об'ективных предпосылках революционной тактики.

И здесь мы подошли ко второму пункту.

Во-вторых, расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть на лицо **революционная ситуация.**

Это—азбучная истина марксизма, что тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть на лицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет.

Если бы Каутский поставил этот обязательный для марксиста вопрос, он увидел бы, что ответ получается безусловно против него. Задолго до войны все марксисты, все социалисты были согласны в том, что европейская война создаст революционную ситуацию.

Когда Каутский еще не был ренегатом, он ясно и определенно признавал это и в 1902 г. («Социальная революция») и в 1909 г. («Путь к власти»). Базельский манифест от имени всего 2-го Интернационала признал это: не даром социал-шовинисты и каутскианцы (центровики», люди колеблющиеся между революционерами и оппортунистами) всех стран, как огня, боятся соответствующих заявлений Базельского манифеста.

Следовательно, ожидание революционной ситуации в Европе было не увлечением большевиков, а **общим мнением** всех марксистов. Если Каутский отделывается от этой бесспорной истины такими фразами, что-де большевики—«всегда верили во всемогущество насилия и воли», то это именно пустозвонная фраза, **прикрывающая** бегство—и позорное бегство—Каутского от постановки вопроса о революционной ситуации.

Далее. Наступила революционная ситуа-

ция на деле или нет? И этого вопроса Каутский не сумел поставить. На него отвечают экономические факты: голод и разорение, созданные войной повсюду, означают революционную ситуацию. На данный вопрос отвечают также политические факты: уже с 1915 года ясно обнаружился во **всех** странах процесс раскола старых, сгнивших социалистических партий, процесс **отхода масс** пролетариата от социал-шовинистических вождей налево к революционным идеям и настроениям, к революционным вождям.

5-го августа 1918 года, когда писал свою брошюру Каутский, не видеть этих фактов мог лишь человек, боящийся революции, изменяющий ей. А теперь, в конце октября 1918 года, революция **в ряде** стран Европы растет на глазах у всех и весьма быстро.

«Революционер» Каутский, который желает, чтобы его считали попрежнему марксистом, оказался таким близоруким филистером, который—подобно филистерам 1847 года, осмеянным Марксом—не видел приближающейся революции!!!

Мы подошли к третьему пункту.

В-третьих. Каковы особенности революционной тактики при условии, что есть налицо европейская революционная ситуация? Каутский, став ренегатом, побоялся поставить этот обязательный для марксиста вопрос. Каутский рассуждает, как типичный филистер, мещанин или темный крестьянин: наступила «всеобщая европейская революция» или нет? Если наступила, тогда **и он** готов стать революционе-

ром! Но тогда—заметим мы—всякая сволочь (в роде тех негодяев, которые иногда примазываются теперь к победившим большевикам) станет об'являть себя революционером!

Если нет, тогда Каутский отворачивается от революции! У Каутского нет и тени понимания той истины, что революционера-марксиста отличает от обывателя и мещанина уменье **проповедывать** темным массам необходимость назревающей революции, **доказывать** ее неизбежность, раз'яснять ее пользу для народа, **готовить** к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Каутский приписал большевикам бессмыслицу, будто они ставили все на одну карту, рассчитывая, что европейская революция наступит в определенный срок. Эта бессмыслица обратилась против Каутского, ибо у него как раз вышло: тактика большевиков была бы правильна, если бы европейская революция наступила к 5-му августа 1918 года! Именно это число упоминает Каутский, как время писания его брошюры. И когда через несколько недель после этого 5 августа стало ясным, что революция в ряде европейских стран наступает, то все ренегатство Каутского, вся его фальсификация марксизма, все его неуменье рассуждать революционно и даже ставить вопросы революционно обнаружились во всей своей прелести!

Когда пролетариев Европы обвиняют в измене,—пишет Каутский,—то это обвинение против неизвестных.

Ошибаетесь, господин Каутский! Посмо-

трите в зеркало, и вы увидите тех «неизвестных», против коих это обвинение направлено. Каутский прикидывается наивным, он делает вид, что не понимает, **кто** такое обвинение направляет и **какой** смысл оно имеет. На самом же деле Каутский прекрасно знает, что обвинение это выставляли и выставляют немецкие «левые», спартаковцы, Либкнехт и его друзья. Обвинение это выражает **ясное сознание** того, что немецкий пролетариат совершил предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украшу, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется прежде всего и больше всего не против массы, которая всегда забита, а против тех **вождей**, которые, подобно Шейдеманам и Каутским, **не исполняли** своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически **наперерез** революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса. Шейдеманы прямо, грубо, цинично, большею частью корыстно предавали пролетариат и переходили на сторону буржуазии. Каутскианцы и лонгэтисты делали тоже самое, колеблясь, шатаясь, трусливо озираясь на тех, кто силен в данную минуту. Каутский всеми своими писаниями во время войны **угашал** революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его.

Это останется прямо-таки историческим памятником мещанского отупения «среднего» вождя немецкой официальной социал-демократии,

что Каутский даже не понимает, какое гигантское **теоретическое значение,** какое еще большее агитационное и пропагандистское значение имеет «обвинение» пролетариев Европы в том, что они предали русскую революцию! Каутский не понимает, что это «обвинение» есть—при цензурных условиях германской «империи»—едва ли не единственная форма, в которой не предавшие социализма немецкие социалисты, Либкнехт и его друзья, выражают **свой призыв к немецким рабочим** сбросить Шейдеманов и Каутских, оттолкнуть таких «вождей», освободиться от их отупляющей и опошляющей проповеди, подняться **вопреки** им, **помимо** них, через них к революции, на революцию!

Каутский не понимает этого. Где же ему понять тактику большевиков. Можно ли ожидать от человека, который отрекается от революции вообще, чтобы он взвесил и оценил условия развития революции в одном из наиболее «трудных» случаев

Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узконационалистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать»,—она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) **учете** европейской революционной ситуации.

Эта тактика была единственно интернацио-

налистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране **для** покрытия, поддержки, пробуждения революции **во всех странах.** Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия **масс** повсюду тактике революционной на деле) стал **мировым** большевизмом, дал идею, программу, теорию, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Ренодделей и Лонге, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм **создал** идейные и тактические основы III-го Интернационала, действительно пролетарского коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт **начавшейся эпохи революций.**

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на **все** языки мира, показав на примере **Советской власти,** что рабочие и беднейшие крестьяне **даже** отсталой страны, наименее опытные, образованные, привычные к организации, **в состоянии** были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (всех поддерживала буржуазия **всего** мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, **начать** твор-

чество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма. Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать. В то время, как рабочим всего мира с каждым днем становится яснее, что тактика Шейдеманов и Каутских не избавляла от империалистской буржуазии, что эта тактика не годится в образец для всех стран,—в это время массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм **годится, как образец тактики для всех.**

Не только общеевропейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России. Этого всего мало для полной победы социализма? Конечно, мало. Одной стране большего сделать нельзя. Но эта одна страна, благодаря Советской власти, сделала все же столько, что даже, если бы русскую Советскую власть завтра раздавил мировой империализм, допустим, путем соглашения германского империализма с англо-французским, даже в этом, худшем из худых случаев, большевистская тактика оказалась бы принесшей громадную пользу социализму и поддержавшей рост непобедимой мировой революции.

Прислужничество буржуазии под видом экономического анализа.

Как уже было сказано, книге Каутского следовало бы называться, если бы заглавие правильно передавало содержание, не «Диктатура пролетариата», а «Перепев буржуазных нападок на большевиков».

Старые «теории» меньшевиков о буржуазном характере русской революции, т.-е. старое искажение марксизма меньшевиками (в 1905 году **отвергнутое** Каутским!), теперь вновь подогреты нашим теоретиком. Придется остановиться на этом вопросе, как ни скучен он для русских марксистов.

Русская революция—буржуазная, говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен итти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по буржуазному, **реформистски**, а не революционно, сохраняя по возможности и монархию, и помещичье землевладение, и т. п. Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. **Классовое** соотношение сил при буржуазной революции большевики формулировали так: пролетарат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную

буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение.

В союзе пролетариата с крестьянством **вообще** и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь **полупролетариат** (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и **ниспровергает** буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической (см. мою брошюру 1905 года: «Две тактики», перепечатанную в сборнике: «За 12 лет», Петербург, 1907 года).

Каутский принял косвенное участие в этом споре в 1905 г., высказавшись, по запросу тогдашнего меньшевика, Плеханова, по существу дела против Плеханова, что вызвало тогда особые насмешки большевистской печати. Теперь Каутский ни **словечком** не вспоминает тогдашних споров (боится разоблачения его же заявлениями!) и тем лишает немецкого читателя всякой возможности понять суть дела. Господин Каутский не **мог** рассказать немецким рабочим в 1918 году о том, как в 1905 году он был за союз рабочих с крестьянами, а не с либеральной буржуазией, и на каких условиях он защищал этот союз, какую программу проектировал для этого союза.

Попятившись назад, Каутский под видом «экономического анализа», с горделивыми фразами об «историческом материализме», защища-

ет теперь подчинение рабочих буржуазии, разжевывая, при помощи цитат из меньшевика Маслова, старые либеральные взгляды меньшевиков; при этом цитатами доказывается новая мысль об отсталости России, а вывод из этой новой мысли делается старый, в том духе, что-де при буржуазной революции не пути дальше буржуазии! И это вопреки всему тому, что говорили Маркс и Энгельс, сравнивая буржуазную революцию 1789—1793 г.г. во Франции с буржуазной революцией в Германии в 1848 году!

Прежде чем переходить к главному «выводу» и главному содержанию «экономического анализа» у Каутского, отметим, что первые же фразы обнаруживают курьезную путаницу мыслей или непродуманность мыслей автора:

«Экономической основой России,—вещает наш «теоретик»,—является доныне сельское хозяйство и, притом, именно мелкое крестьянское производство. Им живет около четырех пятых, может быть, даже пять шестых населения» (стр. 45). Во-первых, любезный теоретик, подумали ли вы, сколько может быть эксплуататоров среди этой массы мелких производителей? Конечно, не более одной десятой всего их числа, а в городах еще меньше, ибо там крупное производство более развито. Возьмите даже невероятно высокую цифру, допустите, что одна пятая мелких производителей—эксплуататоры, теряющие избирательное право. И тогда вы получите, что 66% большевиков на 5-м С'езде Советов представляли **большинство населения**. А к этому надо еще добавить, что среди левых эсе-

ров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т.-е. принципиально **все** левые эсеры были за Советскую власть, а когда часть левых эсеров пошла на восстание—авантюру в июле 1918 года, то от них отделились из их бывшей партии две новые партии—«народников-коммунистов» и «революционных коммунистов» (из видных эсеров, коих еще старая партия выдвигала на важнейшие государственные посты, к первой принадлежит, например, Закс, ко второй—Колегаев). Следовательно, Каутский сам опроверг—нечаянно!—смехотворную сказку, будто за большевиками стоит меньшинство населения.

Во-вторых, любезный теоретик, подумали ли вы о том, что мелкий крестьянский производитель **неизбежно** колеблется между пролетариатом и буржуазией? Эту марксистскую истину, подтвержденную всей новейшей историей Европы, Каутский «забыл» очень кстати, ибо она разбивает в пух и прах всю меньшевистскую «теорию», им повторяемую! Если бы Каутский не «забыл» этого, он не мог бы отрицать необходимость пролетарской диктатуры в стране с преобладанием мелких крестьянских производителей.

Рассмотрим главное содержание «экономического анализа» нашего теоретика:

Что Советская власть есть диктатура, это бесспорно, говорит Каутский. «Но есть ли это диктатура пролетариата»? (стр. 34.)

«Крестьяне составляют по Советской конституции большинство населения, имеющего пра-

во участвовать в законодательстве и управлении. То, что нам выставляют, как диктатуру пролетариата, оказалось бы, если бы это было проведено последовательно и если бы один класс, вообще говоря, мог непосредственно осуществлять диктатуру, что осуществимо лишь для партии,—это оказалось бы диктатурой **крестьянства»** (стр. 35).

И, чрезвычайно довольный столь глубокомысленным и остроумным рассуждением, добрый Каутский пытался острить: «Выходит, как будто бы, что наиболее безболезненное осуществление социализма обеспечено тогда, когда оно отдается в руки крестьян». (стр. 35).

Подробнейшим образом, с рядом чрезвычайно ученых цитат из полулиберального Маслова, наш теоретик доказывает новую мысль о заинтересованности крестьян в высоких ценах на хлеб, в низкой заработной плате городским рабочим и т. д., и т. п. Эти новые мысли, кстати сказать, тем скучнее изложены, чем меньше обращено внимания на действительно новые явления после-военного времени, например, на то, что крестьяне требуют за хлеб не денег, а товаров, что у крестьян не хватает орудий, которых нельзя достать в необходимом числе ни за какие деньги. Об этом еще особо ниже.

Итак, Каутский обвиняет большевиков, партию пролетариата, в том, что она отдала диктатуру, отдала дело проведения социализма в руки мелкобуржуазного крестьянства. Прекрасно, господин Каутский! Каковы же должны были бы быть, по вашему просвещенному мнению, от-

ношения пролетарской партии к мелкобуржуазному крестьянству?

Об этом наш теоретик предпочел помолчать, должно быть, вспомнив пословицу: «слово—серебро, молчание—золото». Но Каутский выдал себя следующим рассуждением:

«В начале Советской Республики Крестьянские Советы представляли из себя организации **крестьянства** вообще. Теперь Республика эта провозглашает, что Советы представляют организации пролетариев и **бедных** крестьян. Зажиточные крестьяне теряют избирательное право в Советы. Бедный крестьянин признается здесь постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы при «диктатуре пролетариата» (стр. 48).

Какая убийственная ирония! Ее можно услыхать в России от любого буржуа; они все злорадствуют и смеются, что Советская Республика открыто признается в существовании беднейших крестьян. Они смеются над социализмом. Это их право. Но «социалист», который смеется над тем, что после разорительнейшей четырехлетней войны у нас остаются—и надолго останутся—беднейшие крестьяне, такой «социалист» мог родиться только в обстановке массового ренегатства.

Слушайте дальше:

«Советская Республика вмешивается в отношения между богатыми и бедными крестьянами, но не посредством нового распределения земли. Чтобы устранить нужду горожан в хлебе, в деревни посылаются отряды вооруженных ра-

бочих, которые отнимают у богатых крестьян излишки хлеба. Часть этого хлеба отдается городскому населению, другая—беднейшим крестьянам» (стр. 48).

Разумеется, социалист и марксист Каутский глубоко возмущен мыслью о том, что такая мера могла бы распространяться дальше, чем на окрестности больших городов (а она у нас распространяется на всю страну). Социалист и марксист Каутский настаивательно замечает, с бесподобием, несравненным, восхитительным хладнокровием (или тупоумием) филистера: «Они (экспроприации зажиточных крестьян) вносят новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства... (гражданская война, вносимая в «процесс производства».—это уже нечто сверх'естественное!..), который для своего оздоровления настоятельно нуждается в спокойствии и безопасности» (стр. 49).

Да, да, насчет спокойствия и безопасности для эксплуататоров и спекулянтов хлебом, которые прячут его излишки, срывают закон о хлебной монополии, доводят до голода население городов,—насчет этого марксисту и социалисту Каутскому, конечно, следует вздохнуть и пролить слезу. Мы все социалисты и марксисты и интернационалисты,—кричат хором господа Каутские, Гейрихи Веберы (Вена), Лонгэ (Париж), Макдональды (Лондон) и т. п.,—мы все за революцию рабочего класса, только... только так, чтобы не нарушать спокойствия и безопасности спекулянтов хлебом! И это грязное прислужничество капиталистам мы прикрываем

«марксистской» ссылкой на «процесс производства»... Если это марксизм, то что же называется лакейством перед буржуазией?

Посмотрите, что получилось у нашего теоретика. Он обвиняет большевиков в том, что они выдают диктатуру крестьянства за диктатуру пролетариата. И в то же время он обвиняет нас в том, что мы вносим гражданскую войну в деревню (мы это считаем своей **заслугой**, что мы посылаем в деревни отряды вооруженных рабочих, которое открыто провозглашают, что осуществляют «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», помогают этому последнему, экспроприируют у спекулянтов, богатых крестьян, излишки хлеба, укрываемые ими в нарушение закона о хлебной монополии.

С одной стороны наш марксист-теоретик стоит за чистую демократию, за подчинение революционного класса, вождя трудящихся и эксплуатируемых, большинству населения (включая, следовательно, и эксплуататоров). С другой стороны, он **против нас** раз'ясняет неизбежность буржуазного характера революции, буржуазного потому, что крестьянство в целом стоит на почве буржуазных общественных отношений, и в то же время претендует на отстаиванье им пролетарской, классовой марксистской точки зрения! Вместо «экономического анализа» это—каша и путаница первого сорта. Вместо марксизма это—обрывки либеральных учений и проповедь лакейства перед буржуазией и перед кулаками.

Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году раз'яснили полностью. Да, революция наша буржуазная, **пока** мы идем **вместе**

с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 г. говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали. Потуги Каутского «изобличать» нас по этому пункту, изобличают только путаницу его взглядов и боязнь его вспомнить то, что он писал в 1905 году, когда он не был еще ренегатом.

Но в 1917 году, **с апреля** месяца, задолго до октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и раз'ясняли **народу**: остановиться на этом революция теперь **не сможет**, ибо умла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое **потребует** (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед, к социализму. Ибо иначе нити вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе **облегчать** муки трудящихся и эксплуатируемых **нельзя**.

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. **Сначала** вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). **Затем** вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми **против капитализма**, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится **социалистическою**. Пытаться построить искусственную китайскую стену между той и другой,

отделить их друг от друга чем-либо иным, **кроме** степени подготовки пролетариата и степени об'единения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом. Это значило бы посредством квази-ученых ссылок на прогрессивность буржуазии по отношению к средневековью протаскивать реакционную защиту буржуазии по отношению к социалистическому пролетариату.

Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, об'единяя и втягивая в политику **массу и рабочих и крестьян**, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году о действительно народной революции), самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс. Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция **выростала** из хода развития **классовой борьбы**, по мере созревания **классовых противоречий**. Именно те факты, которые вынужден признать Каутский, доказывают это.

Сначала Советы об'единяли крестьянство в целом. Неразвитость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавали руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелкобуржуазных интеллигентов. Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров (считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты в роде Каутского). Мелкая буржуазия

неминуемо, неизбежно колебалась между диктатурой буржуазии (Керенский, Корнилов, Савинков) и диктатурой пролетариата, ибо ни на что самостоятельное мелкая буржуазия неспособна по коренным свойствам ее экономического положения. К слову сказать, Каутский полностью отрекается от марксизма, отделываясь при анализе русской революции юридическим, формальным, служащим буржуазии для прикрытия ее господства и для обмана масс, понятием «демократия» и забывая о том, что «демократия» выражает на деле иногда диктатуру буржуазии, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д.

У Каутского выходит, что в капиталистической стране были буржуазные партии, была пролетарская, ведущая за собой большинство пролетариата, его массу (большевики), но не было мелкобуржуазных партий! Не было классовых корней, мелкобуржуазных корней у меньшевиков и эсеров!

Колебания мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров, просветили массы и оттолкнули громадное большинство их, все «низы», всех пролетариев и полупролетариев, от таких «вождей». В Советах получили преобладание (в Питере и Москве к октябрю 1917 года) большевики, среди эсеров и у меньшевиков усилился раскол.

Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до октябрьской революции оно не было разрушено). Буржуазная революция была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами

в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы об'единяли крестьянство **вообще.** Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918 года. Чехо-словацкое контр-революционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, **а из жизни** училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии. «Левые эсеры», как всякая мелкобуржуазная партия, отражали колебания масс, и именно летом 1918 г. они раскололись: часть попла вместе с чехословаками (восстание в Москве, когда Прошьян, захватив телеграф—на час!—оповещал Россию о свержении большевиков, затем измена главнокомандующего армией против чехо-словаков Муравьева и т. д.); часть, названная выше, осталась с большевиками.

Обострение продовольственной нужды в городах ставило все резче вопрос о хлебной монополии (про которую «забыл» теоретик Каутский в своем экономическом анализе, повторяющем зады, вычитанные десять лет назад у Маслова).

Старое, помещичье и буржуазное, даже демократически-республиканское государство посылало в деревню вооруженные отряды, находившиеся фактически в распоряжении буржуазии. Этого господин Каутский не знает! В этом он не видит «диктатуры буржуазии», боже упаси! Это—«чистая демократия», особенно, если это

одобрялось бы буржуазным парламентом! О том, как Авксентьев и С. Маслов в компании Керенских, Церетели и т. п. публики эсеров и меньшевиков арестовали летом и осенью 1917 года членов земельных комитетов, об этом Каутский «не слыхал», об этом он молчит!

Все дело в том, что государство буржуазное, осуществляющее диктатуру буржуазии через посредство демократической республики, не может признаться перед народом в том, что оно служит буржуазии, не может сказать правды, вынуждено лицемерить.

А государство типа Коммуны, государство Советское, открыто и прямо говорит народу **правду**, заявляя, что оно есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, привлекая к себе именно этой правдой десятки и десятки миллионов новых граждан, забитых при любой демократической республике, втягиваемых в политику, **в демократию**, в употребление государством, Советами. Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих, в первую голову, более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей **подавить сопротивление буржуазии.**

Все знающие дело и бывшие в деревне говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает **сама** «октябрьскую» (т.-е. пролетарскую) революцию. Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется под'емом

бедноты, ростом «комитетов бедноты». В армии растет число комиссаров из рабочих, офицеров из рабочих, командиров дивизиями и армиями из рабочих. В то время, как Каутский, напуганный июльским (1918 г.) кризисом и воплями буржуазии, бежит за ней «петушком» и пишет целую брошюру, проникнутую убеждением, что большевики накануне их свержения крестьянством, в то время, как Каутский усматривает «сужение» (стр. 37) круга тех, кто поддерживает большевиков, в отколе левых эсеров,—в это время **действительный** круг сторонников большевизма **вырастает** необ'ятно, ибо просыпаются к **самостоятельной** политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освобождаясь от оков и от влияния кулаков и деревенской буржуазии. Мы потеряли сотни левых эсеров, безхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты. *)

Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил **против** него.

Завершив буржуазно-демократическую ре-

---

*) На VI-ом С'езде Советов (7-9—XI—1918) было с решающим голосом 967 депутатов, из них 950 большевиков, да с совещательным 351, из них 335 большевиков. Итого 97% большевиков.

волюцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.

Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел об'единить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «не зрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции. (Но и этим, в скобках сказать, не было бы доказано, что пролетариат не должен был брать власти, ибо только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию, только пролетариат сделал кое-что серьезное для приближения мировой пролетарской революции, только пролетариат создал Советское государство, второй шаг, после Коммуны, в направлении к социалистическому государству.)

С другой стороны, если бы большевистский пролетариат попробовал сразу в октябре-ноябре 1917 года, не сумев вызвать классового расслоения деревни, не сумев **подготовить** и провести его, попробовав «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, по-

пробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п., тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная и что **без ряда переходов, переходных ступеней** сделать ее социалистическою в отсталой стране нельзя. Каутский **все** перепутал в важнейшем теоретическом и политическом вопросе и на практике оказался просто прислужником буржуазии, вопящим против диктатуры пролетариата.

***

Ткую же, если не большую, путаницу внес Каутский в другой интереснейший и важнейший вопрос, именно: была ли принципиально правильно поставлена, а затем была ли целесообразно проведена **законодательная** деятельность Советской Республики в аграрном преобразовании, в этом труднейшем и в то же время важнейшем социалистическом преобразовании? Мы были бы несказанно благодарны всякому западно-европейскому марксисту, если бы он, ознакомившись хотя бы с важнейшими документами, дал **критику** нашей политики, ибо этим он помог бы нам чрезвычайно, помог и назревающей революции во всем мире. Но Каутский дает вместо критики невероятную теоретическую путаницу, превращающую марксизм в либерализм, а на прак-

тике пустые, злобные, мещанские выходки против большевиков. Пусть судит читатель:

«Крупного землевладения нельзя было удержать. Это сделала революция. Это стало ясным тотчас же. Его нельзя было не передать крестьянскому населению»... (Неверно, господин Каутский: вы подставляете «ясное» для вас на место отношения разных классов к вопросу; история революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с мелкими буржуа, меньшевиками и эсерами, вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова и аресты членов земельных комитетов. Без диктатуры пролетариата «крестьянское население» не победило бы помещика, об'единившегося с капиталистом.

«... Однако, насчет того, в каких формах должно это произойти, единства не было. Мыслимы были различные решения». (Каутского больше всего заботит «единство социалистов», кто бы себя ни называл этим именем. О том, что основные классы капиталистического общества должны приходить к различным решениям, он забывает.) ... «С социалистической точки зрения самым рациональным было бы передать крупные предприятия в государственную собственность и предоставить крестьянам, которые до сих пор были заняты в них, как наемные рабочие, обработку крупных имений в формах товарищества. Но это решение предполагает таких сельских рабочих, которых в России нет. Другим решением могла бы быть передача крупного землевладения в государственную собствен-

ность, с разделом его на мелкие участки, сдаваемые в аренду малоземельным крестьянам. Тогда было бы еще осуществлено кое-что от социализма»...

Каутский отделывается, как всегда, знаменитым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. Он ставит **рядом** различные решения, не задаваясь мыслью, единственно реальной, единственно марксистской мыслью—о том, каковы должны быть **переходы** от капитализма к коммунизму в таких-то **особых условиях.** В России есть наемные сельские рабочие, но их немного, и поставленного Советской властью вопроса о том, как перейти к коммунальной и товарищеской обработке земли, Каутский не коснулся. Курьезнее всего, однако, что Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это **мелкобуржуазный** лозунг, и «от социализма» тут ничего нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, **не** будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной **либеральной реформой.**

О том, что Советская власть отменила **всякую** собственность на землю, Каутский молчит. Хуже того. Он совершает невероятную подтасовку и цитирует декреты Советской власти так, что упускается наиболее существенное.

Заявив, что «мелкое производство стремит-

ск к полной частной собственности на средства производства», что учредилка была бы «единственным авторитетом», способным помешать разделу (утверждение, которое вызовет хохот в России, ибо все знают, что рабочие и крестьяне авторитетными считают **только** Советы, а учредилка стала лозунгом чехо-словаков и помещиков),—Каутский продолжает:

«Один из первых декретов Советского правительства постановил: 1) помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

«2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов Уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле».

Процитировав **только эти два пункта**, Каутский заключает:

«Ссылка на Учредительное Собрание осталась мертвой буквой. Фактически крестьяне отдельных волостей могли делать с землею, что хотели» (стр. 47).

Вот вам образцы «критики» Каутского! Вот вам «ученая» работа, больше всего похожая на подлог. Немецкому читателю внушается, что большевики капитулировали перед крестьянством по вопросу о частной собственности на

землю! Что большевики предоставили крестьянам враздробь («отдельным волостям») делать, что хотят!

А на самом деле цитируемый Каутским декрет—первый декрет, изданный 26-го октября 1917 года (ст. ст.)—состоит не из двух, а из пяти статей, **плюс** восемь статей «наказа», при чем про наказ сказано, что он «должен служить для руководства».

В 3 статье декрета говорится, что хозяйства переходят «к народу», что обязательно составление «точной описи всего конфискуемого имущества» и «строжайшая революционная охрана». А в наказе говорится, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда», что земельные участки с высоко-культурными хозяйствами **«не подлежат разделу»**, что «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа», что вся земля поступает в общенародный земельный фонд».

Далее, одновременно с роспуском Учредительного Собрания (5—I—1918 г.) Третьим С'ездом Советов принята **«декларация прав** трудящегося и эксплуатируемого народа», вошедшая теперь в основной закон Советской республики. В этой декларации статья II, 1 говорит, что «частная собственность на землю отменяется» и «образцовые поместья и сельско-

хозяйственные предприятия об'являются национальным достоянием».

Следовательно, ссылка на Учредительное Собрание не осталась мертвой буквой, ибо другое общенародное представительное учреждение, неизмеримо более авторитетное в глазах крестьян, взяло на себя решение аграрного вопроса.

Далее, 6 (19) февраля 1918 года опубликован закон о социализации земли, который еще раз подтверждает отмену всякой собственности на землю, передает распоряжение и землей и всем частновладельческим инвентарем Советским властям под контролем федеральной Советской власти; в задачи распоряжения землей ставит «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» (ст. 11, пункт 9).

Вводя уравнительное землепользование, этот закон на основной вопрос: «кто имеет право пользоваться землей», отвечает (ст. 20): «Отдельными участками поверхности земли для общественных и личных надобностей, в пределах Российской Советской Федеративной Республики, могут пользоваться: а) в целях культурно-просветительных: 1) государство, в лице органов Советской власти (федеральной, областной, губернской, уездной, волостной и сельской); 2) общественные организации (под контролем и с разрешения местной Советской власти). б)

Для занятия сельским хозяйством: 3) сельскохозяйственные коммуны; 4) сельско-хозяйственные товарищества; 5) сельские общества; 6) отдельные семьи и лица»...

Читатель видит, что Каутский совершенно извратил дело и представил немецкому читателю в абсолютно фальшивом виде аграрную политику и аграрное законодательство пролетарского государства в России.

Теоретически важных основных вопросов Каутский даже не сумел поставить!

Эти вопросы следующие:

1) Уравнительность землепользования и

2) Национализация земли.—отношение той и другой меры к социализму вообще и к переходу от капитализма к коммунизму в частности.

3) Общественная обработка земли, как переход от мелкого раздробленного земледелия к крупному общественному; удовлетворяет ли постановка этого вопроса в советском законодательстве требованиям социализма?

По первому вопросу необходимо установить прежде всего два следующие основные факта: а) большевики и при учете опыта 1905 года (сошлюсь, например, на свою работу об аграрном вопросе в первой русской революции) указывали на демократически-прогрессивное, демократически-революционное значение лозунга уравнительности, и в 1917 году до октябрьской

революции вполне определенно говорили об этом. б) Проводя закон о социализации земли,—закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования,—большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть **изжиты ими самими**: ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем **помогать** крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, **перейти** от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим.

Теоретик-марксист, который хотел бы помочь рабочей революции своим научным анализом, должен бы был ответить, во-первых, верно ли, что идея уравнительности землепользования имеет демократически-революционное значение, значение доведения до конца **буржуазно-демократической** революции? Во-вторых, правильно ли поступили большевики, проводя своими голосами (и лояльнейшим образом соблюдая) мелкобуржуазный закон об уравнительности?

Каутский не сумел даже **заметить**, в чем состоит теоретически, гвоздь вопроса!

Каутскому никогда не удалось бы опровергнуть того, что идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот итти не может. Доходя до кон-

ца, он **тем яснее**, тем **скорее**, тем **легче** обнаруживает перед массами **недостаточность** буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к **социализму**.

Сбросившее царизм и помещиков крестьянство мечтает об уравнительности, и никакая сила не могла бы помешать крестьянам, избавленным и от помещиков, и от **буржуазно**-парламентарного, республиканского государства. Пролетарии говорят крестьянам: мы вам поможем дойти до «идеального» капитализма, ибо уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя. А в то же время мы вам покажем недостаточность этого, необходимость перехода к общественной обработке земли.

Интересно бы посмотреть, как бы попробовал Каутский опровергнуть правильность **такого** руководства крестьянской борьбы со стороны пролетариата!

Каутский предпочел уклониться от вопроса...

Далее, Каутский прямо обманул немецких читателей, скрыв о них, что **в законе** о земле Советская власть дала **прямое** преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место.

С крестьянством до конца буржуазно-демократической революции,—с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства вперед, к социалистической революции. Та-

кова была политика большевиков, и это была единственная марксистская политика.

А Каутский путается, не умея поставить ни одного вопроса! С одной стороны, он **не смеет** сказать, что пролетарии должны были разойтись с крестьянством в вопросе об уравнительности, ибо он чувствует нелепость подобного расхождения (да притом в 1905 году Каутский, когда он не был еще ренегатом, ясно и прямо отстаивал союз рабочих и крестьян, как условие победы революции). С другой стороны, Каутский цитирует сочувственно либеральные пошлости меньшевика Маслова, который «доказывает» утопичность и реакционность мелкобуржуазного равенства **с точки зрения социализма** и умалчивает о прогрессивности и революционности мелкобуржуазной борьбы за равенство, за уравнительность, **с точки зрения буржуазно-демократической революции.**

У Каутского выходит путаница без конца: заметьте, что Каутский (1918 г.) **настаивает** на **буржуазном** характере русской революции. Каутский (1918 г.) требует: не выходите из этих рамок! И тот же Каутский усматривает «кое-что **от социализма**» (для **буржуазной** революции) в **мелкобуржуазной** реформе сдачи мелких участков земли **бедным** крестьянам (т.-е. в приближении к уравнительности)!!

Пойми, кто может!

Каутский, сверх того, обнаруживает филистерское неумение считаться с действительной

политикой определенной партии. Он цитирует **фразы** меньшевика Маслова, **не желая видеть действительной** политики партии меньшевиков в 1917 году, когда она, в «коалиции» с помещиками и кадетами, **отстаивала** фактически **либеральную аграрную реформу и соглашение с помещиками** (доказательство: аресты членов земельных комитетов и законопроект С. Маслова).

Каутский не заметил, что фразы П. Маслова о реакционности и утопичности мелкобуржуазного равенства прикрывают на деле меньшевистскую политику **соглашения** крестьян с помещиками (т.-е. обдувания крестьян помещиками) вместо революционного свержения помещиков крестьянами.

Ну, и «марксист» Каутский! Именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доводя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это—единственно революционная и единственно марксистская политика.

И напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству» (стр. 50).

Очень остроумно!

Нигде и никогда еще мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.

Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними **при условии** пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.

Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богатеев от войны, при таком разорении массы крестьян.

Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать о новых задачах пролетарской диктатуры.

А что, любезный Каутский, если у крестьян **не хватает** орудий для мелкого производства, а пролетарское государство **помогает** им доставать машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение»?

Перейдем к вопросу о национализации земли. Наши народники, в том числе левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли.

Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму.

Каково же должно быть отношение марксистов к национализации земли?

Каутский и здесь не умеет даже поставить теоретического вопроса или—что еще хуже—умышленно обходит вопрос, хотя из русской литературы известно, что Каутский знает о давних спорах среди русских марксистов по вопросу о национализации земли, о муниципализации земли (передача крупных имений местным самоуправлениям), о разделе.

Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже сказали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало: тут нет и **буржуазно-демократической** революции, доведенной до конца. С Каутским случилось большое несчастье, что он доверился меньшевикам. От этого произошел курьез: защищающий буржуазный характер нашей революции Каутский, обвиняющий большевиков за то, что они вздумали итти к социализму, **сам** дает либеральную реформу под видом социализма, **не доводя этой реформы** до полной чистки всего средневековья в отношениях землевладения! У Каутского, как и у его советчиков меньшевиков, получалась защита либеральной буржуазии, боящейся революции, вместо защиты последовательной буржуазно-демократической революции.

В самом деле. Почему бы в государственную собственность превращать только крупные имения, а не все земли? Либеральная буржуа-

зия достигает этим наибольшего сохранения старины (т.-е. наименьшей последовательности в революции) и наибольшей легкости возврата к старому. Радикальная, т.-е. доводящая до конца буржуазную революцию, буржуазия выставляет лозунг национализации земли.

Каутский, который в давно-давно прошедшие времена, почти 20 лет тому назад, написал прекрасный марксистский труд об аграрном вопросе, не может не знать указаний Маркса на то, что национализация земли является именно **последовательным** лозунгом **буржуазии**. Каутский не может не знать полемики Маркса с Роббертусом и замечательные раз'яснения Маркса в «Теории прибавочной стоимости», где особенно наглядно показано и революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли.

Меньшевик П. Маслов, которого Каутский так неудачно выбрал в советники себе, отрицал, чтобы русские крестьяне могли пойти на национализацию всей (в том числе и крестьянской) земли. До известной степени этот взгляд Маслова мог стоять в связи с его «оригинальной» теорией (повторяющей буржуазных критиков Маркса), именно, отрицанием абсолютной ренты и признанием «закона» (или «факта», как выражался Маслов) «убывающего плодородия почвы».

На деле уже в революции 1905 года обнаружилось, что громадное большинство крестьян России, и общинников и подворников, стоит за

национализацию всей земли. Революция 1917 года подтвердила это и, после перехода власти к пролетариату, осуществила это. Большевики остались верны марксизму, не пытаясь (вопреки Каутскому, который нас в этом обвиняет— без тени доказательств) «перескочить» через буржуазно-демократическую революцию. Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсерам, провести то, что фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26 октября 1917 г., т. е. с первого дня пролетарской, социалистической революции, отменена.

Этим создан фундамент, наиболее совершенный с точки зрения развития капитализма (не разрывая с Марксом, Каутский не сможет отрицать этого), и в то же время создан земельный строй, **наиболее гибкий** в смысле перехода к социализму. С точки зрения буржуазно-демократической, революционному крестьянству в России **дальше итти некуда:** ничего «идеальнее», с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего «радикальнее» (с этой же точки зрения) **быть не может.** Именно большевики, только большевики, только в силу победы **пролетарской** революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали макси-

мум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции.

Можно судить поэтому, какую невероятную путаницу преподносит читателю Каутский, который обвиняет большевиков в непонимании буржуазного характера революции и который сам обнаруживает такое отступление от марксизма, что **молчит** о национализации земли и выставляет наиболее революционную (с буржуазной точки зрения), либеральную аграрную реформу, как «нечто от социализма»!

Мы подошли здесь к третьему из поставленных выше вопросов,—к вопросу о том, насколько учла пролетарская диктатура в России необходимость перехода к общественной обработке земли. Каутский совершает здесь опять-таки нечто весьма похожее на подлог: он цитирует только «тезисы» одного большевика, говорящие о задаче перехода к коллективной обработке земли! Процитировав один из этих тезисов, наш «теоретик» «победоносно восклицает:

«Тем, что известная вещь об'является задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (стр. 50).

Нигде еще и никогда не было такого литературного мошенничества, до которого опустился Каутский. Он цитирует «тезисы», умалчи-

вая о **законе** Советской власти. Он говорит о «теоретическом убеждении», умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы и товары! Все то, что писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства, для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.

Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельско-хозяйственных коммун и советских хозяйств (т.-е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств),—этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?

Национализация земли, проведенная в России пролетарской диктатурой, наиболее обеспечила доведение до конца буржуазно-демократической революции,—даже на случай, что победа контр-революции повернула бы от национализации назад к разделу (этот случай специально разобран был мной в книжке об аграрной программе марксистов в революции 1905 г.). А кроме того, национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии.

Итог: Каутский дал нам, теоретически, невероятную кашу, с полным отречением от марксизма, а на практике лакейство перед буржуазией и ее реформизмом. Нечего сказать, хороша критика!

***

«Экономический анализ» промышленности начинается у Каутского следующим великолепным рассуждением:

В России есть крупная капиталистическая промышленность. Нельзя ли на этой основе построить социалистическое производство? «Так можно бы думать, если бы социализм состоял в том, чтобы рабочие отдельных фабрик и рудников брали их себе в собственность» (буквально: присваивали их себе), «чтобы отдельно вести хозяйство на каждой из фабрик» (стр. 52).

«Как раз сегодня, 5 августа, когда я пишу эти строки,—добавляет Каутский,—из Москвы сообщают об одной речи Ленина от 2 августа, в которой он, как передают, сказал: «Рабочие крепко держат фабрики в своих руках, а крестьяне отдадут земли помещикам». Пароль—фабрика—рабочим, земля—крестьянам—был до сих пор не социал-демократическим, а анархо-синдикалистским» (стр. 52—53).

Мы выписали целиком это рассуждение, чтобы русские рабочие, которые прежде уважали Каутского, и уважали за дело, сами увидали приемы перебежчика к буржуазии.

Подумайте только: 5 августа, когда налицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, при чем ни одна фабрика не была «присвоена» рабочими, а **все** передавались в собственность республики, 5 августа, Каутский, на основании явно мошеннического тол-

кования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто в России фабрики передаются отдельным рабочим! И Каутский после этого на протяжении десятков и десятков строк жует жвачку про то, что фабрики нельзя передавать по одиночке рабочим!

Это не критика, а прием лакея буржуазии, который нанят капиталистами, чтобы оболгать рабочую революцию.

Фабрики надо передавать государству или общине, или потребительным обществам,—пишет еще и еще раз Каутский и наконец добавляет:

«На этот путь и попытались теперь вступить в России»... Теперь!! т.-е. что же это значит? В августе? Что же, Каутский не мог заказать своим Штейну, Аксельроду или другим друзьям русской буржуазии перевода хотя бы одного декрета о фабриках?

...«Как далеко это зашло, этого еще не видно. Эта сторона Советской Республики во всяком случае представляет наибольший интерес для нас, но она остается еще целиком во мраке. В декретах недостатка нет»... (Поэтому Каутский их **содержание** игнорирует, или скрывает от своих читателей!) ... «Но недостает надежных сведений о действии этих декретов. Социалистическое производство невозможно без всесторонней, детальной, надежной и быстро информирующей статистики. Таковой Советская Республика до сих пор создать не могла. Но, что мы узнаем об ее экономических действиях,

крайне противоречиво и не поддается никакой проверке. Это тоже один из результатов диктатуры и подавления демократии. Нет свободы прессы и слова»... (стр. 53).

Вот как пишется история! От «свободной» прессы капиталистов и дутовцев Каутский получил бы сведения о фабриках, переходящих к рабочим... Поистине великолепен этот надклассовый «серьезный ученый». Ни одного из бесконечного количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются только Республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший Совет Народного Хозяйства,—ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться. Он упорно, с упрямством человека в футляре, твердит одно: дайте мне мирную демократию, без гражданской войны, без диктатуры, с хорошей статистикой (Советская Республика создала статистическое учреждение и привлекла все лучшие статистические силы России, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя). Одним словом, революция без революции, без бешеной борьбы, без насилий,—вот чего требует Каутский. Это все равно, как если бы требовали стачек без бурной страстности рабочих и хозяев. Отличите-ка подобного «социалиста» от дюжинного либерального чиновника!

И, опираясь на такой «фактический материал», т.-е. умышленно обойдя с полным пре-

зрением многочисленные факты, Каутский «заключает:

«Сомнительно, получил ли русский пролетариат в смысле действительных практических завоеваний, не декретов, в Советской Республике больше, чем он получил бы от Учредительного Собрания, в котором точно так же, как и в Советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски» (стр. 58).

Перл, не правда ли? Это изречение мы советуем попечителям Каутского распространить пошире среди русских рабочих, ибо лучшего материала для оценки своего политического падения Каутский дать бы не мог. Керенский тоже был «социалист», товарищи рабочие, только «другой окраски»! Историк Каутский довольствуется кличкой, званьем, которое себе «присвоили» правые эсеры и меньшевики. О фактах, говорящих, что при Керенском меньшевики и правые эсеры поддерживали империалистскую политику и мародерство буржуазии, историк Каутский и слышать не хочет о том, что Учредительное Собрание давало большинство именно героям империалистской войны и буржуазной диктатуры, он скромно умалчивает. И это называется «экономическим анализом»!..

В заключение еще один образчик «экономического анализа»:

... «Советская Республика через девять месяцев своего существования, вместо того, чтобы распространить вообще благосостояние, оказа-

лась вынужденной об'яснять, от чего происходит всеобщая нужда» (стр. 41).

Кадеты приучали нас к таким рассуждениям. Прислужники буржуазии все так рассуждают в России: дайте-ка, дескать, через 9 месяцев всеобщее благосостояние—после 4-летней разорительной войны, при всесторонней помощи иностранного капитала саботажу и восстаниям буржуазии в России. Решительно никакой разницы, ни тени разницы между Каутским и контрреволюционным буржуа **на деле** не осталось.

Сладенькие речи, поддельные «под социализм», повторяют то, что грубо, без обиняков, без прикрас, говорят корниловцы, дутовцы и красновцы в России.

***

Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 года. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета.

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним.

Н. ЛЕНИН.

10 ноября 1918 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ.

(Напечатаны в «Правде», Петроград, среда, 26, XII, 1917)

1. Требование созыва Учредительного Собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учред. Собрание является высшей формой демократизма и так как империалистическая республика с Керенским во главе, создавая парламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является не только формой

более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного Собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года, происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности выборами в это Учредительное Собрание.

5. Во-первых, пропорциональная система выборов дает истинное выражение воли народа лишь тогда, когда партийные списки соответствуют реальному разделению народа действительно на те партийные группировки, которые отразились в этих списках. У нас же, как известно, партия, имевшая с мая по октябрь больше всего сторонников в народе и особенно в крестьянстве, партия социалистов-революционеров дала единые списки в Учредительное Собрание в половине октября 1917 года, но раскололась после выборов в Учредительное Собрание до его созыва.

В силу этого, даже формального соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное Собрание нет и не может быть.

6. Во-вторых, еще более важным, не фор-

мальным, не юридическим, а общественно- экономическим, классовым источником несоответствия между волей народа и составом Учредительного Собрания—с другой, является то обстоятельство, что выборы в Учредительное Собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего об'ема и значения октябрьской, Советской, пролетарско-крестьянской революции, начавшейся 25-го октября 1917 года, т.-е. после представления списков кандидатов в Учредительное Собрание.

7. Октябрьская революция, завоевавшая власть для Советов, вырывая политическое господство из рук буржуазии и передавая его в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития.

8. Она началась с победы 24—25 октября в столице, когда 2-й Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, этого авангарда пролетариев и наиболее политически-действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти.

9. Революция охватывала затем в течение ноября и декабря всю массу армии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские, крестьянские комитеты, Ц. И. К. Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и т. д.), которые выражали

пережитую, соглашательскую, полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап и которые неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс.

11. Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается. следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное Собрание половины октября 1917 года.

12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской Рады, финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарско-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик—с другой.

13. Наконец, гражданская война, начатая кадетски-калединским контр-революционным восстанием против Советских властей, против Рабочего и Крестьянского Правительства, оконча-

тельно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народом России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством.

14. Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетско-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарско-крестьянскую революцию. Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному Собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче - крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решением Второго Всероссийского С'езда Крестьянских Депутатов и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и что Учредительное Собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на (Слова, которые следуют дальше, неразборчивы и затерты. (Примечание издателя).

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции, 25 октября, и эта победа дала первые плоды в

виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь, на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты.

Во время выборов в Учредительное Собрание народные массы лишены были этой возможности. Ясно, что и с этой стороны дела соответствие между составом выборных в Учредительное Собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно.

16. Совокупность вышеизложенных обстоятельств дает тот результат, что Учредительное Собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарско-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном Собрании признания права народа на перевыборы своих депутатов в любое время.

17. Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном

Собрании с формальной юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки в которую впадают немногие из верхов большевизма, неумевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии.

18. Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное Собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного Собрания, присоединение самого Учредительного Собрания к закону Ц. И. К. об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного Собрания о признании Советской власти. Советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-калединской контр-революции.

19. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным Собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти против кадетско-калединской контр-револю-

ции, какими бы лозунгами и учреждениям (хотя бы и членством в Учредительное Собрание) эта контр-революция не прикрывалась. Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контр-революции.

HX
314
L356
1920

Lenin, Vladimir Il'ich
Proletarskaia revoliutsiia
i renegat Kautskii

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 02 12 11 005 0